

INSPIRIA

BAŢEHTAÎŢ

INVAZIE ÎN

INSPIRIA

Loft. Современный роман

Элизабет Уэтмор

Валентайн

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уэтмор Э.

Валентайн / Э. Уэтмор — «Эксмо», 2020 — (Loft. Современный роман)

ISBN 978-5-04-117777-5

Какова судьба женщин в мире, который принадлежит мужчинам? И насколько тяжело поднять голову и начать наконец бороться за справедливость? Об этом роман Элизабет Уэтмор «Валентайн» — роман невероятной силы, мощный и праведно яростный. Америка, 70-е годы. Нефтяной бум пронесется по Техасу, подобно торнадо, обещая мужчинам невиданные доселе богатства. Женщинам он сулит лишь отупевших от неожиданной прибыли и беспробудного пьянства мужчин. Утром после Дня святого Валентина четырнадцатилетняя Глория Рамирес появляется на пороге фермы Мэри Роз — избитая, напуганная, умоляющая о помощи. Весть о том, что ее изнасиловал белый нефтяник быстро разносится по маленькому городку, но мало кто верит словам Глори. «Захватывающий дебют... "Валентайн" — это история о том, как женщины — особенно женщины без образования и денег — выживают в мире мужской жестокости. Это история их жизни в захолустном нефтяном городке в середине 1970-х, которую Уэтмор, кажется, знает настолько глубоко, что становится больно... Тщательно продуманный и эмоционально захватывающий роман». — Washington Post «Памятник своего рода милосердию и истинной твердости духа». — Entertainment Weekly «Яростный и сложный, "Валентайн" — это роман моральной актуальности и захватывающей дух прозы. Это само определение потрясающего дебюта». — Энн Патчетт «Мне не верится, что Элизабет Уэтмор начинающая писательница. Как у нее получилось ворваться на сцену с такой мощью и мастерством? "Валентайн" блестящий, острый, напряженный и разрушительный. Уэтмор вырвала жестокий, грандиозный Западный Техас из рук мужчин и передала слово девочкам и женщинам, тем, кто всегда страдал, выживал и все равно оставлял свой след в этом враждебном мире. Эти невероятно живые и незабываемые женские персонажи навсегда останутся со мной». — Элизабет Гилберт «Уэтмор вырвала жестокий, грандиозный антураж Техаса из рук мужчин и передала

слово девочкам и женщинам, тем, кто всегда страдал, но выживал и все равно оставлял свой след в этом враждебном мире. Эти невероятно живые и незабываемые женские персонажи навсегда останутся со мной». — Элизабет Гилберт

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-117777-5

© Уэтмор Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глория	8
Мэри Роз	12
Корина	20
Дебра Энн	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Элизабет Уэтмор Валентин

Elizabeth Wetmore

VALENTINE

Copyright © 2020 by Elizabeth Wetmore

Cover design © Jo Walker

Перевод с английского Виктора Голышева

© Голышев В., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящение:
Хорхе*

*Я часто говорил: я пыль; или: я ветер.
И в молодости это принимал. Но все не так
на самом деле.
Я пыли вдоволь повидал, с ветром
не раз встречался
И понял, что я лишь легкий вдох,
необходимый,
Чтобы продержаться столько, сколько требует
сердечное желание,
И что даже это не удастся.*
Ларри Ливис

Глория

Занимается воскресное утро над нефтеносным участком, несколько минут до зари; отморозок крепко спит в своем пикапе. Плечами к двери водителя, сапоги – на приборной доске, ковбойская шляпа надвинута на нос, и девушке, сидящей снаружи на пыльной земле, виден только его белый подбородок. Конопатый, почти безволосый, он и в зрелые годы обойдется без ежедневного бритья, но она надеется, что он умрет молодым.

Глория Рамирес совсем неподвижна – месkitовая ветка, вросший в землю камень, – представляет себе, как он лежит ничком в пыли, губы и щеки ободраны песком, только кровь во рту облегчит ему жажду. Он дернулся, спиной проехался по двери, она, перестав дышать, смотрит, как он сжимает челюсти и вылезает желвак. Смотреть на него – пытка, и она опять желает ему смерти скорой и мучительной, одинокой, чтобы никто о нем не пожалел.

Небо на востоке стало фиолетовым, потом иссиня-черным, аспидным. Через несколько минут оно окрасится оранжевым и красным, и если поглядеть туда, Глория увидит землю, туго натянутую под небом, коричневая пристрочена к синему, как всегда. Это небо без конца, самое лучшее, что есть в западном Техасе, если вспомнишь поглядеть на него. Она будет скучать по нему, когда уедет. Потому что ей нельзя здесь оставаться – после этого.

Она не сводит глаз с пикапа, и её пальцы потихоньку зарываются в песок, считает: один, два, три, четыре – они пытаются удержать её от резких движений, пытаются её успокоить, удержать в живых еще на день. Потому что Глория Рамирес пусть и не много понимает этим утром пятнадцатого февраля 1976 года, но понимает вот что: если бы он не задрях до того, как протрезвел настолько, чтобы найти свой пистолет или взять её за горло, быть бы ей сейчас мертвой. Пятьдесят два, пятьдесят три, пятьдесят четыре... она выжидает и смотрит, слышит, как неизвестный зверек пробирается в кустах мескита, а солнце, поденная мелкая милостыня, выкатывается из-под края земли и, повиснув, жарит с востока.

Освещаются мили и мили качалок, мусор нефтяных промыслов, заборы из колючей проволоки, месkitные заросли, зайцы, бизонова трава. В кучах кальцита и штабелях старых труб лежат, свернувшись, полозы, мокассиновые и гремучие змеи, дышат медленно, ждут весны. Когда разгорелось утро, она видит дорогу и вдалеке – фермерский дом. Он может быть близко, пешком дойти, но определить трудно. Здесь миля может показаться десятью, десять – двадцатью, и она одно знает: это тело – вчера она сказала бы «мое» – сидит на куче песка на нефтеносном участке, так далеко от города, что не видно ни водонапорной башни с названием её города «Одесса» на баке, ни здания банка, ни градирен нефтехимического завода, где работает её мать. Скоро Альма придет с ночной работы – уборки в кабинетах и рабочих столовках. Когда войдет в их квартиру с одной спальней, пахнущую вчерашней маисовой кашей, свиной и сигаретами дяди, и увидит, что диван Глории так и застелен со вчерашнего дня, Альма может забеспокоиться или даже испугаться немного, но, главное, разозлится, что дочь опять где-то пропадает.

Глория окидывает взглядом поле качалок, громадных стальных кузнечиков, вечно голодных. Завез он её в Пенуэлл? В Ментон? В округ Лавинг? Потому что пермский бассейн занимает восемьдесят тысяч квадратных миль одного и того же, одного и того же, и она может быть где угодно, и единственное, что достоверно, это её жажда и боль, вздохи гада, который возится во сне, стискивая зубы, гудение и стуки качалки в нескольких десятках шагов от неё.

Куропатка объявляет о себе, её голос мягко раскупоривает утро. Глория снова смотрит на фермерский дом. Грунтовая дорога рассекает пустыню надвое, прямой линией тянется к веранде дома – так уже видится Глории. Может быть, дом близко, пешком дойти, может быть, дверь ей откроет женщина.

Он не шевелится, и когда пальцы вминают в песок последнее число – робкую тысячу, Глория поворачивает голову, медленно, налево и направо, понимает, что жива до сих пор благодаря еще и молчанию, и, не называя вслух, рассматривает части своего тела. Вот рука. Рука и ступня. Кости ступни прикреплены к пяточной кости, пяточная кость – к лодыжке. А там, на земле, ближе к деревянной буровой платформе, её сердце. Она поворачивает голову туда и сюда, осматривает тело, прикрывает его одеждой, рваной и раскиданной по земле, словно это ненужный мусор, а не её любимая черная футболка, синие джинсы, подаренные матерью на Рождество, и парные лифчик с трусами, которые она украла в «Сирсе».

Знает, что не надо, но перед уходом все-таки оглядывается на скота. Из-под ковбойской фетровой шляпы выбиваются прядки светлых волос. Тощий и жилистый, он всего несколькими годами старше Глории, а ей осенью исполнится пятнадцать, если переживет этот день. Грудь его мерно поднимается и опускается, как у всякого, но в остальном он неподвижен. Еще спит – или притворяется.

Ум Глории запутывается в этой мысли, как лошадь – в незаметном мотке колючей проволоки. Она раскрывает рот, потом он сам захлопывается. Ей не хватает кислорода, дышит тяжело, как рыба, выдернутая из озера. Ей представляется, как её оторванные руки и ноги уносятся в пустыню и там их обглаживают койоты, перекликавшиеся всю ночь. Ей представляется, как эти кости выглажены, выбелены ветром – пустыня усеяна такими – лежат там, и хочется закричать, разинуть рот, завывать. Но она сглатывает, снова садится на песок и зажмуривается, чтобы не видеть скота и солнце, затопившее светом необъятное небо.

Нельзя паниковать. Ничего нет хуже паники, говорил её дядя. Когда он рассказывает о войне – а с тех пор, как вернулся в прошлом году, только о ней и рассказывает, и все рассказы начинаются одинаково. Знаешь, Глория, как называют солдата, который запаниковал? «Убит в бою» – вот как. И заканчивает все рассказы так же. Слышишь, военный человек никогда не паникует. И ты никогда не паникуй, Глория. Запаникуешь и – он делает из указательного пальца пистолет, приставляет к сердцу и нажимает на спуск – бах. А она если что и понимает этим утром, то одно: она не хочет умирать. Прижимает кулаки ко рту и велит себе встать. Постарайся без шума. Иди.

И тогда Глория Рамирес – теперь её имя годами будет витать, как рой ос, над головами местных девушек, – предостережением, чего нельзя делать, ни в коем случае нельзя, – Глория встает. Вспомнив о кедах, не идет ни за ними, ни за кроличьим жакетом, в котором была вчера вечером, когда на парковку в «Соник» въехал молодой человек – рука свесилась за окно, редкие веснушки и золотые волосы поблескивают под флуоресцентными лампами придорожного кафе.

Эй, ты, Валентинка. Слова прозвучали противно, с растяжкой – слышно было, что не местный, но и не из дальних краев. Язык у Глории сделался сухим, как палочка мела. Она стояла рядом с единственным столом, деревянным и шатким, среди легковых машин и грузовичков, и занималась тем, чем всегда занималась субботними вечерами. Болталась, пила лимонад, стреляла сигареты, ждала, когда что-нибудь произойдет, но ничего не происходило в этом зачуханном городке.

Он стоял близко, даже за ветровым стеклом видно было нефтяное пятно у него на лице. Щеки и шея обветренные, на пальцах черная грязь. На приборной доске карты и накладные, на крючке над сиденьем висела каска. В кузове валялись помятые банки из-под пива, монтировки, бутылки с водой. Картина как раз такая, насчет которой Глорию предостерегали всю жизнь. А сейчас он назвался – Дейл Стрикленд – и спрашивал, как её звать.

Не твое собачье дело, сказала она.

Слова выскочили необдуманно – выдадут в ней девчонку, а не суровую молодую женщину, какой ей хочется быть. Он высунулся из окна сильнее и смотрел на неё, как щенок – глаза воспаленные, в черных кругах. То голубые, то белесые, то сланцевые, смотря по тому,

как падает свет. Цвет, как у стеклянного шарика, который упрямо хранишь, – или как у Мексиканского залива. Хотя ей не отличить Тихого океана от бизоньей лужи – вот в чем беда-то. Нигде она не была, не видела ничего, кроме этого города и здешних людей. А может, с него начнется что-то интересное. Если подружатся, может, отвезет её через несколько месяцев в Корпус-Кристи или в Галвестон, и она своими глазами увидит океан. И назвала ему свое имя. Глория.

Он засмеялся и прибавил громкость у радио – какое совпадение: радиостанция техникума передает Патти Смит, поет «Глорию». Слышишь? – он сказал. – И ты тут как тут. Это судьба, дорогая.

Это хрень, дорогой, сказала она. Они заводят эту пластинку каждые два часа с прошлой осени.

Она сама пела её несколько месяцев и ждала, когда начнут играть альбом «Horses», наслаждаясь припадками матери всякий раз, когда пела «Иисус умер за чьи-то грехи, не за мои». Когда Альма грозила потащить её на мессу, Глория смеялась. С двенадцати лет не была в церкви. Она сложила кулак, поднесла ко рту, как микрофон, и пела эту строчку раз за разом, пока Альма не захлопнула за собой дверь ванной.

В этот Валентинов вечер в «Сонике» было глухо, как в могиле. Никого и ничего – все та же тощая замотанная официантка, пришедшая прямо с дневной работы и старавшаяся не замечать парочку престарелых нарушителей, подливающих виски в бумажные стаканы с «Доктором Пеппером»; девица класса на два старше Глории сидела на табурете за стойкой, щелкала выключателем и повторяла заказы – слова её сжевывали громкоговорители; повар время от времени отходил от гриля, стоял снаружи и курил, глядя на машины, курсирующие по дороге. Высокая старая дама с широкими плечами вышла из туалета, захлопнула за собой дверь, вытерла ладони о штаны и зашагала к пикапу, где сидел мужчина еще старше её, тощий как жердь, лысый как яйцо, и наблюдал за Глорией.

Когда женщина села с ним рядом, он показал на девушку и что-то стал говорить – голова его чуть покачивалась взад-вперед. Женщина тоже кивала, но когда он высунулся в окно, она схватила его за локоть и помотала головой. Глория прислонилась к деревянному столу, засунула руки в карманы своего нового жакета и поглядывала то на старую чету, то на молодого человека, который вывесил руку за окно и постукивал пальцами по двери. Глория наблюдала за тем, как препираются старики в кабине, и когда они опять посмотрели на неё, она вынула руку из кармана. Медленно-медленно распрямила средний палец и показала им. Идите в жопу, сказала она беззвучно, вместе с вашим драндулетом.

Она снова окинула взглядом «Соник» и пожалала плечами – терять нечего, что-нибудь, да обломится – и села к молодому человеку в машину. В кабине было тепло, как в кухне, и стоял слабый аммиачный запах моющего средства, которым пахли руки матери, когда она приходила с работы. Стрикленд прибавил громкость, толстопалой рукой открыл банку с пивом и отдал ей; другая рука лежала на баранке. Ты подумай, сказал он. Глория, по-моему, я люблю тебя. И захлопнул тяжелую дверь.

Когда она уходит от него, солнце висит над колесами пикапа. Она не оглядывается. Если он проснется и выстрелит в неё, она этого видеть не хочет. Пусть стреляет в спину, гад. Пусть узнают, что он трус. А сама она, Глория, больше никогда не будет зваться этим именем, именем, которое он произносил снова и снова, все долгие часы, пока она лежала лицом в пыли. Он произносил её имя, и оно пролетало в ночном воздухе, как отравленный дротик, вонзалось, рвало тело. Глория. Издевательское, злое, гадючье. Но с ним покончено. Теперь она будет звать себя Глори. Разница маленькая, но сейчас представляется пропастью.

Глори идет по нефтеносному участку, мимо качалок и мескитных кустов, бредет, спотыкается, падает. Когда проползает через дыру в колючей проволоке и идет к брошенной буровой площадке, ей в лицо глядит корявая вывеска, предупреждающая о ядовитых газах и послед-

ствиях для нарушителя границы. В ВАС БУДУТ СТРЕЛЯТЬ! Когда случайный осколок стекла или игла кактуса прокалывает ступню, она смотрит, как собирается кровь на черствой непроницаемой земле, и жалеет, что это не вода. Завыл койот, откликнувшись другой, и она озирается в поисках оружия – никакого нет, и она отламывает мескитную ветку. Удивляется собственной силе, удивляется тому, что еще идет, удивляется мучительной засухе во рту и горле и новой боли, которая началась покалыванием в грудной клетке, когда только встала. Теперь боль сползла в живот, стала горячей и острой – стальная труба, вставленная слишком близко к топке.

Она подходит к железнодорожному полотну и идет вдоль него. Споткнулась, схватилась за колючую проволоку и тяжело упала на камни, уложенные длинной цепью. Смотрит на мелкие камешки, влипшие в ладони. Под ногтями его кожа и кровь – напоминание, что дралась упорно. Но недостаточно упорно, думает она, и подбирает камешек и кладет под язык, как сделал бы дядя Виктор, если бы шел по пустыне и хотел пить и думал, далеко ли еще до дома. В конце кучи камней на стальном кресте табличка: «Братская могила». В нескольких шагах маленькая могила без надписи – ребенка или, может быть, собаки.

Глори встала и обернулась. Ферма к ней ближе, чем грузовик. Ветерок всколыхнул воздух – пальцем провели по траве, – и она впервые замечает, какое тихое это утро. Словно даже бизонова трава и мятлик, тонкие и гибкие, затаили дыхание. Ветерок легкий, почти неосязаемый в этом краю ветродуев, и, конечно, не донесет до него её голос. Если она заговорит, он не услышит. Глори Рамирес поворачивается и смотрит туда, откуда шла. Впервые за много часов ей хочется заговорить вслух. Ищет слова, но получается у неё только тихий крик. Звук возникает на мгновение, прокалывает тишину и глохнет.

Мэри Роз

Раньше я верила, что можно научиться быть милосердной, если постараться влезть в чужую шкуру, если потрудишься вообразить, что в душе и на уме, например, у вора или убийцы, или вот мужчины, который увёз четырнадцатилетнюю девочку на нефтяной участок и всю ночь насиловал. Я пробовала представить себе, что было на душе у Дейла Стрикленда.

Солнце уже взошло высоко, когда он проснулся – член натружен, жажда смертельная, челюсти свело привычной амфетаминовой судорогой. Во рту такой вкус, как будто сосал бензин из канистры; на левом бедре синяк с кулак размером – наверное, спал, прижавшись к рычагу скоростей. Трудно сказать, но ясно одно. Чувство отвратительное. Как будто били по вискам сапогом. На лице кровь, на рубашке, на ботинке. Прижал пальцы к векам, к углам рта. Повернул ладони – нет ли порезов, – потом прижал к голове. Может быть, расстегнул молнию, осмотрел себя. Немного крови, но никаких ран не видно. Может быть, вылез из пикапа и постоял минуту, погрелся на незлом февральском солнце. Может, удивился теплу не по сезону, непривычному безветрию, как я сегодня утром, когда вышла на веранду, повернулась к солнцу и смотрела на шесть-семь грифов, собравшихся в медленный широкий круг. Труд сострадания означает – представить себе, как он ищет в кузове бутылку с водой, а потом стоит на нефтеносной земле, поворачивается на 360 градусов, медленно, как может, и пытается отдать себе отчет за последние четырнадцать часов. Может даже не вспомнит о девушке, пока не увидит её кеды возле колеса или жакет, валяющийся перед буровой платформой, – кроличий жакет чуть ниже талии, и на ярлычке синей ручкой: «Г. Рамирес». Хочу, чтобы он подумал: Что я натворил? Хочу, чтобы вспомнил. Может быть, он не сразу сообразил, что должен найти её, убедиться, что она цела, или убедиться, что между ними ясность насчет произошедшего. Может быть, он сел на задний борт, пил затхлую воду из фляги и старался припомнить черты её лица. Он пошаркал ногой по земле и пытался восстановить картину прошлой ночи, снова смотрел на её кеды и жакет, а потом перевел взгляд на буровые вышки, на грунтовую дорогу, на рельсы, на шоссе с редкими по-воскресному машинами и дальше, если напрячь зрение, – на ферму. На мой дом. Может быть, подумал, что пешком до него не дойти – далеко. Но кто знает? Местные девушки крепкие, как гвозди – да еще если взбешена? Черт, она босиком может по углям пройти, если надумает. Он соскочил с кузова и заглянул в бутылку. Воды – чуть-чуть умыться. Нагнулся перед зеркалом заднего вида, пригладил волосы пятерней и составил план. Отлить, если получится, а потом поехать к ферме, поглядеть, что и как. Может, повезет, дом брошен, и новая подруга сидит на подгнившей веранде, мечтая о воде, как персиковое дерево в августе, и с ума сойдет от радости при виде него. Всё может быть, но милосердие – редкость в таких местах, как это. Я пожелала ему смерти еще до того, как увидела его лицо.

* * *

Когда меня вызовут свидетельницей, я сообщу, что первой увидела живьем Глорию Рамирес. Бедная девочка, скажу я им. Не знаю, как оправится ребенок от такого дела. Суд будет только в августе, но я скажу им в зале то же, что скажу моей дочери, когда подрастет и сможет понять.

Что зима была тяжелая для нашей семьи – еще до того февральского утра. Цена на скот падала с каждой минутой, и шесть месяцев не было дождя. Сами подкармливались кормовой кукурузой, а некоторые коровы искали солодковый корень, чтобы выкинуть теленка. Если бы не арендные деньги за нефтяной участок, нам, наверное, пришлось бы продать часть земли.

Что почти все дни муж ездил по ранчо с двумя помощниками, которые не ушли к нефтяникам ради денег. Сгружали силос с грузовика и воевали с личинками мясной мухи. Вытаскивали полудохлых коров, запутавшихся в колючей проволоке – животные глупые, что бы вам ни рассказывали, – и если спасти уже было нельзя, пускал им пулю между глаз, а остальное доделают стервятники.

Расскажу им, что Роберт работал целыми днями, каждый день, даже воскресеньями, потому что корова может умереть и в выходной так же просто, как в будни. В пятнадцать минут проглотит жаркое – ты полдня его стряпала, а умнут за пять минут, – и только его и видели. Сложит вилку с ножом на тарелку, мне протянет – и к двери, и на ходу: нам нужна более выносливая порода коров. Нам нужны комолые херефорды или рыжие бранбусы. Да на что же их купить? скажет. Что делать будем?

Когда думаю про тот день и как увидела Глорию Рамирес у меня на веранде, воспоминаю смётаны, как лоскуты одеяла, все разной формы и цвета, стянуты узкой черной лентой – и так, наверное, останутся навсегда. А в августе, в суде, скажу: сделала, что могла в тех обстоятельствах, но о том, как подвела её, умолчу.

Мне было двадцать шесть лет, беременная на восьмом месяце вторым ребенком, тяжелая, как «Бьюик». Со вторым толстеешь быстрее – так говорят женщины в моей семье, – и было мне одиноко, так что иногда позволяла Эйми пропустить школу под предлогом какой-нибудь выдуманной болезни – хоть живая душа будет в доме. За два дня до того позвонили секретарше школы мисс Юнис Ли.

Повесила трубку, и сразу же Эйми Джо стала изображать ворчливую мисс Ли. Говорят, что она прямой потомок, но я никогда не поверю. Скажу вам так: если это и правда, то красоту генерала она не унаследовала. Храни её Бог. Дочь моя скривила лицо и сделала вид, что подносит к уху трубку телефона. Спасибо, что сообщили, миссис Уайтхед, но мне не интересно, что там у Эйми Джо с желудком. Надеюсь, она скоро поправится. Желаю вам приятного Валентинова дня. Пока-пока. Эйми сделала ручкой, и мы обе чуть не упали от смеха. А потом принялись за булочки с маслом и сахаром.

Пустячный, кажется, эпизод: мы с Эйми стоим на кухне, ждем, когда поднимется тесто, целый день растянулся впереди, как домашний кот, и смеемся так, что чуть не описались. Но иногда думаю, что на смертном одре это наше утро пятницы будет одним из самых счастливых моих воспоминаний.

В воскресенье утром мы играли в джин рамми и слушали по радио церковные службы. Эйми проигрывала, и я старалась придумать, как сдать ей партию так, чтобы она не догадалась. Я ждала, когда она наберет четыре червы, а сама пасовала и делала ей намеки. Хочешь быть моей возлюбленной. Хочешь сердцем моим быть? – говорю. Ах, мое сердечко! Слышу, как оно бьется – раз, два, три, *четыре*, Эйми Джо. В ту пору я не считала, что ребенку полезно частенько проигрывать в карты, особенно девочке. Теперь я думаю иначе.

Мы слушали проповедь пастора Роба о вреде десегрегации: все равно что запереть в сарае корову с пумой и опоссумом, а потом удивляться, что кто-то съеден.

Что это значит? – спросила меня дочь. Она вытащила карту из колоды, посмотрела на неё и выложила свои на стол. Я выиграла, сказала она.

Тебе про это, маленькая, не надо знать, сказала я. Ты должна сказать: *джин*. Дочери было девять лет – не намного меньше, чем незнакомой девочке, которая сейчас стояла перед тяжелой дверью, ждала, когда я ей открою, помогу.

Было одиннадцать часов – хорошо помню, потому что дьякон, такой из суровых, которые не признают никакого веселья, читал заключительную молитву. Думаю, ни один серьезный баптист не одобрил бы, что мы играем в карты, слушая церковную службу по радио, – но что было, то было. После одиннадцати нефтяные сводки, потом – с рынков скота. В тот месяц, если

хочешь хороших новостей, слушаешь о новых буровых вышках. Если захотела сесть в мягкое кресло и вволю поплакать – слушай о рынке скота.

Девочка постучала в дверь – два коротких крепких стука, мы даже вздрогнули. Когда стукнула в третий раз, дверь задрожала. Дверь была новая, дубовая, мореная под красное дерево. Две недели назад Роберт заказал её из Лаббока после очередного нашего спора: переезжать ли нам в город. Старый спор. Он считал, что мы слишком далеко от города, тем более на подходе второй ребенок и начинается нефтяной бум. Здесь всё разворачивается, буровики разъезжают по нашей земле. Не место для женщин и девочек. Но спор сделался злым, наговорили друг другу всякого. С угрозами, я бы даже сказала.

Конечно, мне надоело смотреть, как носятся по нашей земле грузовики, надоела вонь – смесь тухлых яиц с бензином, надоело беспокоиться, что какой-нибудь раздолбай забудет закрыть за собой ворота, и какой-нибудь наш бык выйдет на шоссе, или «Тексако» будет сливать сточные воды в необлицованную яму, которую вырыли слишком близко к нашему колодцу. Но я люблю наш дом, его построил пятьдесят лет назад дед Роберта, понемногу возя известняк с холмов Хилл-Кантри. Люблю птиц, которые садятся здесь осенью по пути в Мексику или Южную Америку и весной, на обратном пути. Если бы переехали в город, скучала бы по паре горлиц, которые гнездятся у нас под верандой, и по пустельгам, которые носятся в нескольких футах над землей, хлопая крыльями, и вдруг бросаются вниз, чтобы схватить змею; по небу, разгорающемуся буйно два раза в день. Скучала бы по тишине, по ночному небу, ничем не тревожимому, – только изредка красным или голубым заревом, когда вспыхивает попутный газ.

Нет, мой дом здесь, сказала я ему. Никуда я не поеду.

В какой-то момент я ударила Роберта в грудь, чего никогда не делала. Он не мог ответить, я была беременна, но захватить в дверь кулаком три-четыре раза – это за ним не стало. Теперь у меня новая входная дверь, а Эйми Джо, за то, что лежала в постели и слушала, как мы кричим друг на друга в кухне, получила новый велосипедик «Хаффи» с белой корзинкой и розовыми кистями на руле.

Мы услышали три громких стука, и Эйми сказала: кто это? После, когда подумала об этом, когда увидела, как избита Глория, удивлялась, откуда у неё силы взялись так постучать, что тяжелая дубовая дверь затряслась. Я встала из кресла. Гостей мы не ждали. Никто в такую даль не поедет без звонка – даже свидетели Иеговы или адвентисты. И не слышно было, чтобы подъехал грузовик или легковая. Я нагнулась и подняла бейсбольную биту – Эйми оставила её у моего кресла. Сиди тут, сказала ей, сейчас вернусь.

Открыла дверь, ветерок поднял мух с её волос, с лица, с ран на руках, на ступнях, и у меня подкатило к горлу. Господи боже, подумала я и посмотрела на нашу дорожку перед домом и дальше на подъездную дорогу. Никого, кроме шумной стаи канадских журавлей, зимовавших у нашей цистерны.

Глория Рамирес стояла у меня на веранде, качалась, как тощий пьяница, – вид такой, словно только что выползла из фильма ужасов. Под обоими глазами синяки, один совсем заплыл. Щеки, лоб, локти исцарапаны в кровь, все ноги в жутких ссадинах. Я покрепче сжала биту и крикнула дочке: Эйми Джо Уайтхед, беги в мою спальню, возьми из стенного шкафа Старую Даму и живо сюда. Правильно носи.

Слышно было, как она бежит по дому, и я ей крикнула, чтобы не бежала с винтовкой в руках. Когда она подошла, я стала между ней и этой чужой на веранде. Я протянула руку назад, чтобы взять у дочери мой старый родной винчестер. Я назвала винтовку Старой Дамой – её мне подарила бабушка на пятидесятилетие.

Что там, мама, гремучая змея? Койот?

Я сказала: тихо, беги на кухню, звони шерифу. Пусть пришлет «Скорую помощь». И вот что, Эйми, я сказала, не сводя глаз с этой девочки в дверях, к окнам не подходи – избыю до полусмерти.

Ни разу я не ударила дочь, ни разу. Меня били в детстве, и я поклялась, что своих детей никогда не ударю. Но в это утро я пообещала серьезно, и, думаю, Эйми поверила. Ни слова не говоря, повернулась и убежала на кухню.

Я опять посмотрела на девочку, потом окинула взглядом равнину. Она такая плоская, что подкрасться к тебе невозможно, такая плоская, что виден мужнин пикап у водяной цистерны – далеко, до него не докричишься. Едешь миля за милей, и ни поворота, ни взгорка, даже самого маленького. Я шагнула на веранду. Никого не видно, кто хотел бы причинить нам зло, но и никого, кто захотел бы нам помочь.

И тут, впервые с тех пор, как поселились на земле родителей Роберта, мне захотелось очутиться где-нибудь в другом месте. Десять лет я стереглась змей, песчаных бурь, смерчей. Когда койот задушил мою курицу и тащил по двору, я его застрелила. Когда пошла наливать ванночку для Эйми и увидела в ней скорпиона – наступила на него. Когда гремучая змея свернулась под бельевой веревкой или рядом с велосипедиком Эйми, я убила её мотыгой. Кажется, каждый день или стреляла в кого-то, или рубила на части, или сыпала яд в чью-то нору. И без конца избавлялась от трупов.

Представьте: стою на веранде, одной рукой придерживаю живот, другой опираюсь на Старую Даму, как на костыль, а сама пытаюсь вспомнить, чем завтракала, – чашка «Фолджерса»¹, ломоть холодного бекона и украдкой сигарета, когда пошла в сарай собирать яйца. Живот, представьте, выворачивается наизнанку, когда наклоняюсь к чужой девочке на моей веранде, когда сглатываю соль изо рта, когда говорю: Ты откуда, детка? Из Одессы?

Представьте: она слышит название своего города, и какие-то чары спадают с неё. Трет глаза и морщится. Начинает говорить, слова шершавые, словно песок задувает в дверь.

Можно мне воды? Моя мама Альма Рамирес. Она работает в ночную, сейчас уже, наверное, дома.

Как тебя зовут?

Глори. Можно мне воды холодной?

Представьте: спрашивает, как будто о моей грядке с окрой, без интереса, и этот ужас, прячущийся за безразличием, вырвал что-то из меня, выпустил наружу. Через несколько лет, когда увижу, что дочь достаточно взрослая, расскажу ей, как у меня схватило живот внизу, стянуло холодом, словно там лед. В ушах загудело, ровно, тихо поначалу, потом всё громче, и вспомнились какие-то строчки стихов, которые читала в школе, зимой, перед тем как бросила учебу и вышла за Роберта, – «Жужжала муха надо мной... когда я умерла...»² и эти несколько жалких судорожных, холодных секунд, пока он не толкнулся в животе, я думала, что теряю ребенка. В глазах помутилось, и вспомнился другой стих, случайный, ни с чем не связанный. Странно: вспоминать сейчас стихи, если ни разу в голове не мелькнули за все эти годы, с тех пор как стала взрослой женщиной, женой и матерью, – а тут вспомнилось: «Этот час, как свинец... Запомнит, кто переживет»³.

Я выпрямилась, помотала головой, словно это могло прояснить, что передо мной происходит, стереть это страшное явление ребенка и ужасы, которые она перенесла, словно я могла вернуться в комнату и сказать дочери, это просто ветер, детка. Не обращай внимания, сегодня он не по нашу голову. Хочешь еще партию в джин? Хочешь, научу тебя в техасский покер?

---

¹ «Фолджерс» – марка кофе.

² Эмили Дикинсон (1830–1886). № 415.

³ Эмили Дикинсон. № 372.

Но только оперлась тяжело на ружье, а другой рукой взялась за живот. И сказала ей: сейчас принесу тебе стакан воды, а потом позвоним твоей маме.

Девочка тихо переступила с ноги на ногу, вокруг лица и волос возник ореол из пыли. На несколько мгновений она сделалась пыльным облаком, песчаной бурей, просящей помощи, ветром, молящим о милости. Рука моя сама потянулась к ней, другая за спиной прислонила винтовку к косяку. Девочка сильно наклонилась вбок – тростинка на ветру – и, когда я повернулась обнять её, чтобы не упала с веранды или самой чтобы не упасть, – так никогда этого и не пойму, – она чуть кивнула. Пыль затянула небо за её головой.

Пикап свернул с большой дороги и ехал к нашему дому. Когда проезжал мимо нашего почтового ящика, вдруг резко свернул, как будто водитель отвлекся на перепела, перебежавшего дорогу. Машину занесло к нашему баку, но он выровнялся и продолжал ехать. До него было чуть больше мили, ехал не торопясь, подымая за собой облако рыжей пыли. Кто бы он ни был, он ехал так, как будто точно знал, куда едет, и не торопился туда попасть.

* * *

Вот какие были мои ошибки. Когда увидела, что едет к нам грузовичок, я не позволила девочке обернуться, посмотреть назад, поэтому не могла спросить: Ты видела эту машину раньше? Это он?

Нет, я загнала её в дом, дала стакан ледяной воды. Сказала ей: пей медленно, а то вырвет. Девочка тихо повторяла: Хочу к маме. Хочу к маме. Хочу к маме. Эйми Джо вошла в кухню, услышала это, и глаза у неё сделались величиной с серебряный доллар.

Я съела пару соленых крекеров, выпила стакан воды, потом над кухонной раковиной стала мыть лицо, мыла, пока не включился насос и раковина не наполнилась запахом серы. Сидите тут, сказала им. Выйду на двор кое с чем разобраться. Вернусь – позвоним твоей маме.

У меня в животе болит, закричала девочка. Я хочу к маме. Во мне вдруг вспыхнула злость, желчью обожгло горло, и после мне было очень стыдно. Заткнись, я ей крикнула. Посадила обеих за кухонный стол и велела сидеть. Но так и не спросила у дочери, позвонила ли она шерифу. Вторая моя ошибка. А когда вышла на веранду, взяла винтовку, подошла с ней к краю и приготовилась встретить того, кто ехал, забыла проверить, заряжена ли. Третья моя ошибка.

Вот. Станьте-ка со мной на краю веранды. Посмотрите, как он въезжает не спеша ко мне во двор и останавливается прямо в десяти шагах от дома. Посмотрите, как он вылезает из кабины и с протяжным свистом оглядывает наш лысый участок. Хлопает дверью кабины, прислонился к капоту и озирается, как будто не прочь купить ранчо. Солнце облизывает его – освещает веснушки на руках, ветерок ерошит соломенные волосы. В утреннем свете он золотится, как топаз, но даже с моего места видны синяки у него на лице и руках и багровые кольца вокруг белесых голубых глаз. Ветерок пронесся по двору; он складывает руки на груди, пожимает плечами, смотрит по сторонам и спокойно улыбается, словно денек выдался – лучше не придумаешь. Он не совсем еще взрослый мужчина – парень.

Доброе утро – смотрит на свои часы. – Да уж день, пожалуй.

Я стою, сжав цевье, словно это рука любимой старой подруги. Я не знаю его, но вижу, что молод, не может быть земельным инспектором – они иногда наезжают сюда, убедиться, что подъездную дорогу держим свободной и не замусоренной. И не изыскатель, что заезжают почесать языком, узнать, не собираемся ли продать землю. И для добровольного помощника шерифа молод – тут я вспоминаю, что не спросила Эйми, позвонила ли она шерифу.

С чем пожаловал? спрашиваю.

Вы, наверно, миссис Уайтхед. Симпатичное у вас ранчо.

Не жалуемся. Пыльное, как везде. Говорю ровным голосом, но думаю, откуда он знает мою фамилию.

Он хохотнул, глупо, нахально. Да, похоже, говорит. Но мне как раз на руку. Проще ставить вышку там, где у матушки природы чисто и сухо. Выпрямился, шагнул вперед, ладони поднял. Улыбка на лице застыла, как стрелка на кухонных весах.

Слушайте, у меня случилась неприятность нынче утром. Вы мне не поможете?

Он делает еще шаг, я смотрю на его ноги. Поднимаю глаза – он держит руки над головой. Ребенок сильно пинает меня под ребра, я кладу руку на живот, хочется сесть. Два дня назад я стреляла в койота, он бежал рысцой к курятнику. В последнюю секунду отвела взгляд от мушки и промахнулась, а тут Эйми закричала – скорпион – я поставила ружье и схватила лопату. И сейчас не могу вспомнить, перезарядила ружье или нет. Старая Дама – это винчестер 1873 года; бабушка считала, что это самое лучшее ружье в мире. Я глажу большим пальцем шейку ложа, как будто она может подсказать мне: да или нет.

Сынок, что тебе надо? спрашиваю парня – мужчиной его еще трудно назвать.

Он стоит на солнце смиренно, но глаза прищурены. Мне очень хочется пить и хотел бы позвонить от вас...

Делает еще шаг к дому, но, увидев Старую Даму, застывает. Говорю себе, он не может знать, если не заряжена. Постукиваю дулом по дощатому полу – раз, другой, третий, а он наклоняет голову, прислушивается.

Миссис Уайтхед, ваш муж дома?

Дома, конечно, дома, но сейчас спит.

Улыбка стала шире, чуть дружелюбнее. Скотовод – и спит среди дня?

Время – половина двенадцатого. Я смеюсь, от смеха горечь, как от можжевельной ягоды. Как же глупо он звучит! Какой одинокой выгляжу из-за него.

Он хохотнул тонким голосом, и от этого звука у меня подвело желудок. Засмеялся – словно в карты передернул.

Что, миссис Уайтхед – ваш муж вчера тоже принял лишнего?

Нет.

Заболел? Слишком много сладких валентинок съел?

Он не заболел – я прижимаю ладонь к животу и думаю, успокойся, маленький, тише. – Чем я могу вам помочь?

Я же сказал, у меня маленькая неприятность. Мы с подружкой приехали сюда вчера вечером, немного отпраздновать. Ну, знаете, как это бывает...

Понимаю, говорю я, а сама глажу себе живот.

...и выпили лишнего, и немного поругались. Может, ей не понравилась коробка конфет в виде сердца, мой подарок, а я, наверно, задрых...

Вот как.

...можно сказать, потерял подругу. Стыд какой, а?

Смотрю на него, слушаю, держусь за ружье, как утопающий за соломинку, а горло словно кто-то обхватил рукой и сжимает медленно, всё крепче. У него за спиной, на горизонте, чуть виднеется вишневая машина. До нее больше мили, и, кажется, она летит над пустыней. Пожалуйста, заверните ко мне, думаю я, когда она приближается к нашему повороту, и горло у меня слегка саднит. Машина будто помедлила перед поворотом – пятнышко на горизонте – и помчалась дальше.

Парень рассказывает свою сказочку, все еще улыбаясь, светлые волосы горят на солнце. Он стоит в пяти шагах от меня. Если есть патрон, я не промахнусь.

Утром проснулся, она уже куда-то слиняла. Боюсь, бродит по нефтяному участку, а сами понимаете – девушке там гулять ни к чему.

Я не говорю ни слова. Только слушаю. Слушаю и ничего не слышу, кроме его голоса.

Боюсь, не попала бы там в какую неприятность, говорит он, на гремучую змею наступит или плохого человека встретит. Вы мою Глорию не видели? Поднимает правую руку и показывает ладонью на уровне груди. Мексиканочку? Вот такого росточка?

У меня сжимается горло, но через силу сглатываю и смотрю ему прямо в глаза. Нет, не видела её. Может, кто-то подбросил её до города.

Можно зайти к вам, позвонить?

Я медленно качаю головой. Нет.

Он делает удивленный вид. А почему нет?

Потому что я тебя не знаю. Стараюсь сказать это так, чтобы звучало как правда. Потому что теперь знаю его – знаю, кто он и что он сделал.

Слушайте, миссис Уайтхед...

Откуда ты знаешь мою фамилию? Я уже почти кричу, придерживаю рукой ножку ребенка – он толкает меня под ребра.

Молодой человек удивляется. Да она же у вас на почтовом ящике. Слушайте, он говорит, я очень жалею, что так у нас получилось, и, правда, беспокоюсь за неё. Она немножко ненормальная – знаете, какие бывают мексиканские девушки. Он смотрит на меня пристально, голубые глаза чуть темнее неба. Если видели её, вы должны мне сказать.

Умолк и несколько секунд смотрит мимо меня на дом; по лицу расплзается улыбка. Представляю себе, что из окна на него смотрит дочь. Потом представляю, что и та девочка смотрит сквозь стекло, синяки у неё под глазами, разбитые губы – и не знаю, то ли на него смотреть, то ли повернуть голову и увидеть то, что он видит, понять, что он понял. И я стою, одна, с, может быть, заряженным ружьем, и прислушиваюсь.

Я хочу, чтобы ты отошел, говорю ему после тысячи лет молчания. Отойди, стань у заднего борта твоей машины.

Он не двигается с места. А я сказал вам, что хочу пить.

Нет.

Он смотрит на небо, сцепил руки на затылке. Просвистел отрывок песни – знакомая, но названия не вспомню. И заговорил, уже не парень, а мужчина.

Я хочу, чтобы вы мне её отдали. Ясно?

Не понимаю, о чем ты. Не вернуться ли тебе в город.

Идите в дом, миссис Уайтхед, и приведите мне девушку. И не разбудите мужа, который спит наверху и которого там нет. Так?

Это не вопрос, и вдруг возникает передо мной лицо Роберта, как призрак. Ты всё это делала ради чужой, Мэри Роуз? Рисковала жизнью дочери, жизнью нашего младенца и своей из-за чужого человека. Что у тебя с мозгами?

И он был бы прав. Кто мне вообще эта девушка? Может, сама, добровольно села к нему в кабину. И я могла бы так сделать десять лет назад, тем более парень красивый.

Леди, я вас не знаю, он говорит. И вы меня не знаете. Глорию не знаете. А теперь будь хорошей девочкой, положи ружье, пойдешь в дом и приведи её сюда.

Сама не почувствовала, как заплакала, а чувствую, слезы текут по щекам. Стою с винтовкой, бесполезным, гладко вытесанным куском дерева – и почему мне не сделать, как он просит? Кто она мне? Она мне не дочь. Эйми и ребенок, который толкается во мне ногами и бьет кулаками, – они мне кто-то. Они мои. Эта девушка, Глория, она не моя.

Он опять заговорил и уже не задает вопросов, не беседует. Сука, говорит он, слушай меня...

Я хочу услышать что-нибудь, кроме его голоса – телефонный звонок в доме, грузовик на дороге, даже ветру обрадовалась бы, но всё на этой плоской, безлюдной земле стихло. Только его голос слышен, и он орет. Слышишь ты, сука, дура? Слышишь, что тебе говорят?

Я тихо качаю головой. Нет, я тебя не слышу. Поднимаю винтовку, прижимаю приклад к плечу – привычное, правильное ощущение, – но сейчас кажется, что ствол налит свинцом. Я бессильна, как старуха. Может быть, есть патрон, не знаю, но целю в смазливое золотистое лицо... потому что он тоже не знает.

Во мне не осталось ни одного слова, поэтому сдвигаю большим пальцем предохранитель, смотрю на него через прицел, слезы застилают глаза, и мне горько от того, что скажу ему, если потребует хотя бы еще раз. Ну давай, парень. Я сама тебя завалю или умру, если не удастся, но к дочери не подпущу. А Глория? Её забирай.

Сирены мы услышали одновременно. Он отворачивается, и я отрываю взгляд от мушки. Стоим и смотрим, как мчится к нам автомобиль шерифа. За ним санитарная машина вздымает столько пыли, что задохнется целое стадо коров. Миновали почтовый ящик, шофер вильнул, машина бортом задела колючую проволоку – скрежет, с криками взметнулась стая журавлей. Взлетают – крики, тонкие ноги в воздухе, хлопанье крыльев, гвалт.

Парень на несколько секунд замер, как испуганный кролик. Потом плечи у него пови-сают, и он трет пальцами веки. А, черт, говорит он. Папаша убьет меня.

Пройдет много лет, прежде чем я сочту дочь достаточно взрослой, чтобы ей об этом рассказать, – и расскажу последнее, что я запомнила перед тем, как прислонилась к косяку и сползла на пол, потеряв сознание. Две девчонки прижались носами к кухонному окну, разинув рты, широко раскрыв глаза – только одна из них моя.

Корина

Это кровожадная мелкая сволочь, тощий желтый приبلуда с зелеными глазами и яйцами размером с серебряный доллар. Кто-то подбросил его на голом участке за домом Шепардов в конце декабря – рождественский подарок, сразу себя показал, паршивое приобретение, сказала Поттеру Корина, – и с тех пор ни одному животному не было спокойного житья. Певчие птицы гибли десятками. Вьюрки, семья корольков, гнездившаяся под навесом, множество воробьев и летучих мышей без счета и даже большой пересмешник. За четыре месяца приبلуда вырос вдвое. Его шерсть светится, как хризантема.

Корина стоит на коленях перед унитазом и слышит панический крик очередного зверька на заднем дворе. Птицы кричат и бьют крыльями по земле, ужи и бурые полозы умирают молча, их легкие тела почти не оставляют следа на убитой земле её голых клумб. А это сейчас голос мыши, или белки, или даже молодой луговой собачки. Божьи твари, называл их Поттер. И у неё перехватывает горло.

Собрав в кулак жидкие каштановые волосы, она выbleвывает остатки из желудка и сидит, прижавшись щекой к холодной стене уборной. Животное снова взвизгнуло, и в наступившей тишине она пытается вспомнить подробности прошлого вечера. Пять стаканчиков выпила или шесть? Что говорила и кому?

Постукивает потолочный вентилятор. Вязкий запах соленого арахиса и виски уплывает к окну, глаза у Корины слезятся от потуг. Всё это – и лысое пятно у неё на макушке растет с каждым днем. Эта деталь никак не связана с тем, что она напилась вчера вечером, но все же... – дополнение к общему списку. Так же, как клочок туалетной бумаги, повисший на подбородке. Она стряхивает его в унитаз, опускает крышку, прислоняется лбом к фаянсу и слушает, как заполняется бачок.

Дряблая, как мешочек с червями для наживки, полежавший на солнце, сказал бы Корине Поттер, будь он здесь. Сделал бы ей «кровавую Мэри» с острым соусом и поджарил яичницу с беконом. Дал бы ей кусочек тоста – подобрать жир. Сказал бы, давай за дело. В другой раз не части, родная. Шесть недель, как Поттер умер – вознесся в славе! – и этим утром она слышит голос мужа так ясно, будто он стоит в дверях. С той же глупой улыбкой, тот же вечный оптимист.

Звонит телефон на кухне, звон прорывает дыру в тишине. Ни с одной душой Корина говорить не хочет. Алиса живет в Прудо-Бей и звонит только по воскресеньям ночью, когда междугородние дешевле. Да и тогда Корина, не простившая дочери метель, из-за которой закрыли аэропорт в Анкоридже, и она не прилетела на похороны отца, разговаривает коротко, отвечает, что у неё всё хорошо. У меня всё хорошо, говорит она Алисе. Вожусь в саду, хожу в церковь в среду вечером и по воскресеньям утром, разбираю папины вещи для Армии спасения.

И каждое слово – вранье. Она и футболки ни одной не положила до сих пор в коробку. Сад за домом – голая земля с птичьими трупами, и после сорока лет, что таскалась за Поттером в церковь, она этим паршивым ханжам ни минуты не подарит, ни цента. В ванной его кожаный несессер с бритвой так и лежит раскрытый перед зеркалом. Его наушники на тумбочке с его стороны, рядом с книжкой Элмера Келтона и таблетками от боли. Пазл, который он собирал в день смерти, так и лежит на кухонном столе, а за ним прислонена к стенке его новая трость. На золотом пластиковом подносе посреди стола – стопка страховых форм и шесть банковских конвертов из кредитного союза с пятидесятками и сотенными. Иногда Корине хочется сжечь их один за другим вместе с деньгами.

Снова звонит телефон. Корина прижимает к глазам подушки ладоней. Неделию назад она с досады сломала регулятор громкости. Теперь звонит на полную громкость, фальшиво, пронзая каждый уголок и закуток в доме и во дворе, вопит, когда мог бы спрашивать. Когда Корина

все же хватает трубку и раздраженно говорит: дом Шепардов, – голос в том конце такой же визгливый.

Из-за тебя, кричит женщина, меня вчера уволили.

Кто? спрашивает Корина, а женщина, рыдая, бросает трубку так, что у Корины звенит в ушах.

За раздвижной стеклянной дверью стоит приبلудный кот с мышью в зубах. Телефон снова звонит, Корина хватается трубку и кричит: Иди к черту. Кот бросает свою жертву, мчится через двор, взлетает по ореху и, перепрыгнув через шлакоблочный забор, исчезает.

* * *

Прошлой весной, когда они строили планы пенсионной жизни, у Поттера начались головные боли. Он свою пенсию выработал полностью, а Корина получала свою уже несколько лет – с тех пор, как школьный совет вынудил её уволиться после неких неосторожных высказываний в учительской. Можно поехать на Аляску, сказал Поттер, заедом в Калифорнию, посмотрим эту секвойю, сквозь которую может проехать грузовик.

А у Корины были сомнения. Там полгода солнца не увидишь, сказала она, и что вообще там есть, на Аляске? Лоси?

Алиса, сказал Поттер. Там Алиса.

Корина закатила глаза по тридцатилетней привычке от работы с подростками. Ну да, сказала она, живет там со своим уклонистом, забыла, как его звать.

Через два дня, когда они внесли задаток за новый десятиметровый «Виннебаго», дом на колесах, с собственным душем, у Поттера случился первый припадок. Он стриг газон на переднем дворе и вдруг упал – зубы стучали, руки и ноги неудержимо дергались. Газонокосилка медленно покатила к улице и остановилась, задними колесами еще на тротуаре. Корина в спальне с включенным на максимум охладителем читала книгу, когда до неё донеслись крики дочки Джинни Пирс, катавшейся неподалеку на велосипеде.

Они проехали пятьсот миль до Хьюстона, поднялись на пятнадцатый этаж и, сидя в узких виниловых креслах, выслушали онколога. Корина, наклонившись над блокнотом, давила на ручку так, словно пыталась его пронзить. Мультиформная глиобластома, сказал врач, для краткости ГБМ. Для краткости? Корина подняла голову. Это такая редкость, сказал онколог, как если бы у Поттера в мозгу обнаружился трилобит. Если приступить к радиотерапии немедленно, вы подарите ему шесть месяцев, может быть, год.

Шесть месяцев? Корина смотрела на доктора, открыв рот, и думала: нет, нет, нет. Вы ошибаетесь, доктор. Поттер встал и подошел к окну, глядевшему на чадное небо Хьюстона. Его плечи тихо опускались и поднимались, но Корина не пошла к нему, она не могла оторваться от кресла, как будто её бедро прибили гвоздем.

Ехать обратно было бы слишком жарко, они пошли в торговый центр и сидели на скамье возле ресторанного дворика, сжав в руке холодные бутылки «Доктора Пеппера», как гранаты. В сумерках пошли на стоянку. Ехали с открытыми окнами, жаркий ветер обдувал им лица и руки. К полуночи пикап провонял ими – остатками кофе, пролитого Кориной накануне, её сигаретами и Шанелью № 5, нюхательным табаком Поттера и лосьоном после бритья, его и её потом и страхом. Она включала радио и выключала, включала и выключала, включила, собрала волосы в заколку и распустила, выключила радио и снова включила. Наконец Поттер попросил её, пожалуйста, перестать.

Уличное движение в большом городе нервировало Корину, и Поттер объехал Сан-Антонио стороной. Прости, сказала она ему, что удлинила тебе дорогу. Он улыбнулся вяло и взял её руку на сиденье. Женщина, сказал он, ты передо мной извиняешься? Ну... наверно, я на

самом деле умираю. Корина отвернулась к окну и плакала так, что забился нос, а глаза совсем заплалили.

* * *

Еще девяти нет, а на улице уже тридцать два градуса. Корина смотрит из окна гостиной на лужайку, где стоит грузовичок Поттера. Он был его любимцем и гордостью, «Шевроле Степсайд» V8, с алой кожаной обивкой. Зима была сухая, и бермудская трава – как светло-коричневый шарф. Когда поднимается ветерок, листья её, не примятые колесами машины, дрожат на солнце. Последние две недели ветер поднимается поздним утром и дует до сумерек. Раньше, когда Корине было не наплевать, она перед сном вытирала в доме пыль.

На Лакспер-Лейн во дворах стоят соседи со шлангами, сражаются с засухой. Большой транспортный фургон поворачивает за угол, останавливается перед домом Шепардов и сдает задом по дорожке напротив. Если в самом деле хотите знать, Корина с радостью объяснит любому, кто спросит: я не пьяница, я просто пью все время. А это громадная разница.

Никто не спросит, но, конечно, будут *обсуждать*, если она не уберет пикап с газона, поэтому Корина проглатывает аспирин, надевает костюм, хранящийся с тех времен, когда преподавала в школе, – оливковый, с латунными пуговицами в форме якорей. Она натягивает колготки, душит, красит губы, надевает темные очки и выползает на двор в комнатных туфлях, словно только что вернулась из церкви и готова к домашним трудам.

День слепит, как камера для допросов. Солнце – яростная лампа в пустом небе. Неподалеку на другой стороне улицы Сюзанна Ледбеттер поливает газон. Увидев Корину, выключает разбрызгиватель и машет рукой, но Корина делает вид, что не замечает её. Делает вид, что не замечает ребят, рассыпавшихся по своим дворам, как орехи из опрокинутой корзины. Не обращает внимания и на мужчин, которые вылезли из фургона и стоят перед двором напротив.

Открыв дверь поттеровского пикапа, она видит на сиденье сигарету, надлюманную, но восстановимую, и вздыхает с облегчением. Быстренько, быстренько дает задний ход, останавливается на выездной дорожке и с сигаретой идет в дом, задержавшись, только чтобы включить воду в шланге. Шланг протянулся по лужайке, как мертвая змея, ржавая насадка уткнулась лицом в землю под мелколистным вязом, который они с Поттером посадили двадцать шесть лет назад, весной, в год, когда купили дом. Корявый, некрасивый, вяз почему-то напоминает Корине невымытую голову, но он пережил засухи, пыльные бури и смерчи. Когда он вырос на три фута за лето, Поттер, дававший клички всему живому и неживому, прозвал его Долговязом. Когда Алиса свалилась с него и сломала правое запястье, Поттер переименовал его в Левшу. Всё остальное на заднем дворе посохло и издохло, и Корине плевать, но этому дереву она не даст погибнуть.

Да если и даст, если позволит ему засохнуть, если будет оставлять пикап Поттера на траве или если люди увидят её перед домом в том же платье, в каком была вчера вечером в загородном клубе, чего доброго станут её жалеть. Сочувствовать. И от этого ей хочется избить кого-нибудь – а именно Поттера, если бы еще был жив. Она бьет кулаком по похоронному венку и захлопывает за собой дверь. В кухне звонит и звонит телефон, но она не возьмет трубку. Ни за что, никогда.

* * *

В три часа ночи они остановились на Кервилской станции, чтобы заправиться, и зашли в ресторан выпить кофе и съесть мороженое. Когда сделали заказ, он сказал ей, что лучевая терапия – чистый яд, который тебе вливают в вены. Он сжигает тебя изнутри, отравляет еще хуже, и что это будут за месяцы?

Я не согласен, Корина. Не допущу, чтобы жена подтирала мне жопу, молола мне бифштекс в блендере.

Корина сидела напротив мужа, раскрыв рот. Ты всегда говорил Алисе: ушиб не повод бросать игру, – голос её делался то громче, то тише, волнами, – а теперь затеял умереть у меня? Пара за соседним столом посмотрела на них и опустила глаза. Больше никого в ресторане не было. Какого черта Поттер сел сюда? думала Корина. Почему она должна делить свое горе с чужими?

Тут другое дело, сказал Поттер. Несколько секунд он глядел на свое мороженое. Когда посмотрел в окно, Корина тоже посмотрела. Между дизельными колонками, фурами и неоновой вывеской с рекламой горячего душа было светло, как в полдень. Дальнобойщик отъехал от дизельной колонки, просигналил два раза и вырулил к шоссе. Ковбой, прислонясь к заднему борту своей машины, поедая гамбургер, пряжка его ремня поблескивала под фонарями. По площадке медленно проехали две легковые, набитые девочками-подростками.

Поттер и Корина, отвалившись на спинки, смотрели на гипсолитовые плиты потолка в водяных разводах цвета мочи, с дырками размером как от дроби № 8 – словно какой-то балбес среди ужинавших разрядил туда свое ружье. Когда стало не на что больше смотреть, они посмотрели друг на друга. Глаза у него налились слезами. Кори, это неизлечимо.

Что ты мелешь? Корина стукнула кулаком по столу, кофе выплеснулся из их кружек. Встань и бейся! – ты всегда говорил Алисе и, случилось, мне.

Говорил – и много мне от этого было пользы. Поттер подался вперед и заговорил тихо и быстро. Алиса все равно сбежала на Аляску с этим парнем. Ты все равно ушла из школы, едва припекло. Столько трудов, Корина... когда мы познакомились, ты единственная из всех, кого я знал, училась в колледже – и всё бросила, чтобы сидеть дома и читать книжки со стихами.

Лицо её покраснело от страха и гнева. По-моему, я тебе десять раз объясняла, что мне это надоело до смерти.

Детка, по-моему, ты не совсем понимаешь, насколько это серьезно. Он потянул к ней руку через стол, но она отдернула свою и сложила руки на груди. Не смей называть меня деткой, Поттер Шепард, или я тебя сама убью.

Я и так умираю, милая.

Пошел к черту, Поттер. Ты не умираешь. Чтобы я этого больше не слышала. И они сидели в тупом молчании; кофе остыл, мороженое расплылось кашей.

Утром, когда въехали в свой гараж, их встретил всё тот же затхлый запах картонных коробок и старой армейской палатки Поттера, всё тот же щелк и гудение мотора, когда включался морозильник, всё те же старые инструменты, пылящиеся на верстаке Поттера. Ничего не изменилось, кроме того, что они не спали почти сутки, и Корина выглядела постаревшей на десять лет, а Поттер умирал.

Пока она поджаривала на сковороде кукурузный хлеб и грела коричневую фасоль, он поставил на кухонный стол овощной маринад и тарелку с нарезанными помидорами. Она показала ему, как струится горячий воздух за раздвижной стеклянной дверью. Августовская жара, сказала она, это особый вид ада. Удивительно, что мы её способны пережить. Он тихо засмеялся, и оба смолкли.

После завтрака они сложили тарелки в раковину, ушли в спальню, включили охладитель и задернули шторы. Залезли в постель, Корина со своей стороны, Поттер со своей, и лежали в полуденном полумраке, сплетя пальцы, оцепенелые от ужаса. Ждали, что будет дальше.

* * *

Подумав, что это облегчит ей похмелье, она хочет сделать себе сэндвич с яичницей, но при виде желтка, дрожащего в чугунной сковороде, как жидкий желтый глаз, у неё восстает

желудок. Тогда она откидывает волосы, прикуривает от конфорки и, прислонившись к холодильнику, ждет, когда никотин поможет припомнить подробности прошлой ночи.

Вечер тянулся долго в загородном клубе, к полуночи все разошлись, кроме Корины и барменши Карлы да еще нескольких ветеранов, которым некуда было идти, а там, куда придут, их никто не ждет. Болтать с такими дураками – ну их к черту; поэтому смотрела, как Карла протирает стаканы, а они толковали о футболе и ценах на нефть – 1976-й обещал выдаться чертовски удачным для того и другого, – обсуждали Картера и Форда и несли обоих, один – недоумок, другой – баба. Вот Никсон – их человек, но теперь, после Уотергейта, он утиль, и становится понятно, что они лишились не только своего вождя, но и проиграли свою войну с хаосом и вырождением. «Черные пантеры» и мексиканцы, коммунисты, дикие культы, ебутся прямо на улице в Лос-Анджелесе – дожили.

Чушь плетут, думала Корина, как в любой компании мужиков по всей планете. Представила себе, что можно прыгнуть с парашютом в Антарктике среди ночи, и там у костра трое-четверо их, забивают друг другу головы ерундой и препираются, кто должен шуровать кочергой. Через несколько минут голоса слились в глухое бормотание.

Карла! думает Корина, давая окурочек в кухонной раковине. Это Карла звонила ей днем или же дочка Джинни, она звонит почти каждое утро, справляется, чем занята Корина и не хочет ли, чтобы её навестили.

* * *

В последний день 1975 года, после ужина, они стояли на заднем крытом дворике и смотрели, как приبلуда несет в зубах белошейную овсянку. Это была самочка, редкий гость в этом южном краю, и они слушали её нежную песенку Олд-Сэм-Пибоди-Пибоди с начала ноября, когда привезли Поттера из больницы. Последний раз, сказал он еще на больничной стоянке. Корина даже не успела вставить ключ в зажигание, как он вдруг наклонился и погладил её по колену. Я съездил ради тебя, сказал он, но это в последний раз. Хватит лечения, хватит врачей.

Он не захотел ехать в церковь на новогоднюю вечеринку, а ей и самой не хотелось, и в четыре часа они отужинали и переоделись в домашние штаны. Корина курила, Поттер сидел, опираясь на новую трость. Кот уселся на шлакоблочную стену, словно хозяин дома; его мех золотился в последнем свете дня. Поттер сказал, что им нельзя не восхищаться. Большинство бездомных кошек не могли протянуть больше недели: либо попадут под машину на Восьмой улице, либо мальчишка подстрелит из мелкокалиберки. Из-за черных полос поперек морды он немного похож на оцелота, сказал Поттер. Если поладишь с ним, будет тебе приятель.

Отравить бы эту мелкую сволочь, пока не передошил всю живность в квартале, сказала Корина. Она протянула Поттеру свою сигарету, и он неловко взял её двумя пальцами. Он бросил курить двадцать лет назад, и с тех пор они воевали из-за её привычки. Но воркотня его ничего не значит, печально думала она, пока шла через двор, чтобы вымести птичий трупик. Все равно она его переживет.

* * *

Пока Карла вытирала стаканы и нарезала лаймы, Корина курила одну за другой. Водила большим пальцем по именам и телефонным номерам, вырезанным на красном дереве стойки. С одной стороны бара большое окно смотрело на поле для гольфа. Нефтяники, финансировавшие проект в конце шестидесятых годов, планировали восемнадцать лунок, но из-за переизбытка нефти на рынках строительство остановилось. Бульдозер и дренажные трубы ржавели на месте будущей десятой лунки, и члены клуба решили обойтись девятью. Теперь, семь лет спустя, цены на нефть поползли вверх, и предполагалось устроить остальные девять.

Корина сложила салфетку и отодвинула свой стакан. Карла налила ей новый, виски с колой. Это пятый у неё или шестой? Достаточно, чтобы обхватить пальцами ног латунную трубу под стойкой, когда потянулась за стаканом; достаточно, чтобы Карла придвинула к ней миску с арахисом.

Один из мужчин внятно произнес: мы имеем здесь хрестоматийный случай: «он сказал – она сказала».

Другой отпил пиво и поставил стакан. Я видел фото этой мексиканской девочки в газете – ей не дашь четырнадцати.

Корина перестала водить пальцем по стойке, остановилась на цифре. Речь шла о Глории Рамирес, девушке, которую они с Поттером видели в «Сонике». Мы видели, как она села в пикап, сказал Поттер, а сами сидели, как будто нам штаны пришили к сиденью.

Всё хорошо, миссис Шепард? Карла смотрела на неё с другого конца стойки – в одной руке полотенце, в другой кружка.

Да. Корина хотела сесть попрямее, но трубка ушла из-под ног, а локоть соскользнул с края стойки.

Мужчины взглянули на неё мельком и решили не обращать внимания. Вот самое лучшее в том, что ты пожилая дама с поредевшими волосами и грудями, отвисшими до барной стойки. Наконец-то можно сесть на табурет, напиться в дым, и ни один осел к тебе не привяжется.

Они такие, сказал третий мужчина, они созревают раньше других девочек. Мужчины рассмеялись. Это точно! *Намного* раньше, сказал еще один.

По затылку Корины поднимался жар и разливался по лицу. Поттер заговаривал о Глории раз двадцать, обычно поздно ночью, когда боль одолевала так, что уходил в ванную, и оттуда слышались его стоны. Как надо было бы поступить. Бы да кабы, сказала она ему. Только этого нам не хватало – чтобы ты подрался с парнем вдвое моложе тебя.

Но Поттер твердил, что с самого начала почуял неладное. Двадцать пять лет работал с молодыми людьми вроде этого и знает, чего от них можно ждать. А сами сидели и смотрели, как она лезет к нему в кабину, – и поехали домой. Через два дня, когда увидели его полицейский снимок в «Американце», Поттер назвал себя трусом и грешником. А на другой день, когда напечатали школьную фотографию Глории Рамирес, он, сидя в кресле, долго рассматривал её прямые черные волосы, чуть скошенный подбородок, глаза, устремленные в камеру, улыбочку, то ли ухмылочку. Корина сказала, что должен быть закон, запрет печатать имя этой девочки и фотографию в местной газете – несовершеннолетней, черт бы их побрал. Поттер сказал, что вид у неё такой, как будто не боится никого и ничего, но теперь это, наверное, в прошлом.

Пока Карла смотрела на кружку с чаевыми, Корина в несколько длинных обжигающих глотков осушила стакан. Показала: еще. Карле Сибли только-только исполнилось семнадцать, и дома её ждал грудной ребенок с её матерью. Она все еще колебалась – отказать ей или нет, но тут сама Корина оттолкнула свой табурет, мощно пошатнулась и стала одергивать рубашку на широкой груди и бедрах.

Не надо, Карла, сказала она. Хватит с меня. Она повернулась к мужчинам. Девочке четырнадцать лет, сукины вы дети. Вас на малолеток потянуло, джентльмены?

Домой поехала самостоятельно, следя за осевой линией, со скоростью на десять миль меньше дозволенной, и только в четвертом часу улеглась наконец на диван. Прикрыла ноги шерстяным платком – до сих пор не могла спать на их общей кровати. И хотя у нее не получится восстановить происходившее, по крайней мере, до той минуты, когда первая утренняя присадка никотина вольется в кровоток, уснула, припоминая, что сказала завсегдатаям, и последние слова, услышанные перед тем, как захлопнула за собой тяжелую дверь, – ноющий голос Карлы: я тут при чем, не я начала. Этой старой даме вообще ничего нельзя сказать.

Четырнадцать лет. Как будто этому нашлось бы оправдание, сердито думает Корина, если бы Глории Рамирес было шестнадцать лет или была бы белой. Она идет с пепельницей на

кухню, садится за стол, вертит в пальцах свободный квадратик пазла и со злостью смотрит на конверты с деньгами. Поттер трудился над пазлом часами, левая рука иногда дрожала так, что ставил локоть на стол и придерживал её правой. Столько часов – а собрать успел только край и пару золотисто-коричневых кошечек.

Когда приблуда проходит по дворику, садится перед стеклянной дверью, уставясь на неё, Корина берет трость Поттера и грозит коту. Как-нибудь огреет нахала по башке, если не перестанет ходить сюда и душить всю живность.

* * *

В конце февраля кот поймал большого скворца, разорвал на кусочки, и Корина чуть не поскользнулась на иссиня-черной голове, когда выносила мусор. На другое утро они нашли древесницу – с пушистой серой и черной головкой и желтой грудью – яркое пятно на бетоне. Поттер остановился и смотрел, как её перышки колышутся на ветру. Он уже стал иногда заикаться. Кор... Кор... Кор... начинал он, и Корине хотелось зажать ладонями уши и крикнуть: Нет, нет, нет, это ошибка. Но то было хорошее утро – ни припадков, ни падений, и когда он заговорил, голос был тот же, к какому она привыкла за тридцать лет.

Если привадишь его, сказал он, будешь подкармливать, он, пожалуй, перестанет их убивать. И как-никак живая душа при доме.

Нет уж, сказала Корина. Мне еще одна забота нужна, как Христу лишний гвоздь.

Не надо кощунствовать, сказал Поттер. Но засмеялся, и оба посмотрели на тот конец двора, где под пеканом разлёгся кот. Он следил зелеными глазами за ящеркой, бежавшей по шлакоблочной стенке.

Было утро, забор под солнцем окрасился в пепельный цвет. Ветерок ерошил золотистый мех кота. За домом на Восьмой улице послышалась сирена «Скорой помощи». Звук удалялся в сторону центра, к больнице. Не знаю, что ты будешь делать без меня, сказал Поттер, и когда Корина с грустью ответила, что ей в голову никогда не приходило – ни разу за всю их совместную жизнь, – что она его переживет, Поттер кротко кивнул. Кому это дадено знать, сказал он.

Корина хотела было поправить его, как всегда, – кому это ведомо, – но подумала о его случайных оговорках, его привычке насвистывать фальшиво и давать кличку каждой мелкой твари, какая попадется ему на глаза, – и только вздохнула. Как будет жить без его голоса. Правда, неведомо! Кивнула ему в ответ и отвернулась, пока не увидел, что плачет.

Поттер тронул её за руку и проковылял к лопате, прислоненной к дому. Ты еще сама себя удивишь, когда меня не станет, сказал он.

Весьма сомневаюсь в этом, ответила она.

В последние недели, если чувствовал в себе силы, стал хоронить животных, найденных на заднем дворе. На этот раз он почти десять минут ковырял спекшуюся землю. Корина спросила, не надо ли помочь, но он сказал, нет, сам справится. Вырыл у задней ограды ямку в фут глубиной, положил в неё древесницу и засыпал землей. Тоже мне, похороны, и теперь иногда ворчит Корина, вспоминая ту птицу, большое дело. Под конец муж стал сентиментальнее – да, только не до последней минуты, негодяй.

Неделей позже Поттер проснулся рано и повернулся к Корине. Сказал: хорошо себя чувствую. Как будто и опухоли не было. Оставил трость на кухне и пошел подметать задний двор. Принес из гаража секатор и стал подстригать живую изгородь перед верандой. Потом собрал тощие веточки, отнес в мусорный бак и стоял, любуясь своей работой. Корина накричала на него за то, что ходит без трости. Если бы не отвлеклась, ни минуты бы не разрешила. Но Поттер обнял её за талию, потерся носом о её затылок, говоря: как приятно ты пахнешь, детка. И она позволила увести себя в спальню на часок или два.

После Поттер сказал, что хочет на ужин бифштекс на косточке. Он поджарит его на рашпере, а к нему – печеных картошек со всем, что положено – со сливочным маслом, а не маргарином, которым она его потчует последние десять лет. Если вынем сейчас ореховый пирог из морозильника, ко времени десерта он оттает. После ужина он поставил пластинку Ричи Валенса и повел её танцевать в гостиной – и что с того, если давным-давно не танцевали друг с другом? Сейчас-то можем, сказал он. Впоследствии она корила себя за то, что сразу, тогда же, не догадалась о его замысле.

* * *

На столе перед его креслом в гостиной газета от 27 февраля, дня его смерти, раскрыта на кроссворде. Вписано карандашом всего одно слово. Четыре буквы. Проход или проезд через мелкое место. Брод. Перед её креслом – книга стихов, к которой она не прикасалась все эти месяцы, читая вместо неё статьи о раке, о здоровом питании и даже об одном докторе в Акапулько, – эту идею Поттер сразу же и категорически отверг. Она выходит в переднюю, проводит пальцами по ореховому корпусу приемника АМ/ФМ, поворачивает ручки туда и сюда. В свежие вечера, когда дул ветер с севера, они выносили его на веранду и слушали кантри – станцию в Лаббоке. До самого дня его смерти знали о болезни только она, Поттер и врачи. Со дня на день собирались сообщить Алисе и кое-кому из церкви, но Поттер не стал дожидаться. Черт бы его побрал.

Дверной звонок привинчен к стене над радио, и когда он звонит, Корина вздрагивает от неожиданности. Она замирает на месте, сердце колотится, рука на ручке настройки приемника. Звонок звонит снова, а затем особый стук Дебры Энн Пирс: отдельные три удара в середину двери, три частых по левой стороне, три по правой и детский голос: миссис Шепард, миссис Шепард, миссис Шепард, – раздающийся почти ежедневно.

Корина приоткрывает дверь и загораживает своим крупным телом проход между дверью и косяком. Она сдвигает бедра, чтобы девочка не вздумала проскользнуть между её ногами, как собачка.

Это ты мне всё утро звонила, Дебра Энн Пирс? Голос у Корины хриплый, на языке словно толстый слой краски. Она отворачивает голову к плечу и откашливается.

Нет. На Дебре ярко-розовая футболка с надписью «Суперстар» и оранжевые махровые шорты, едва прикрывающие ягодички. В руке она держит рогатую ящерицу и пальцем поглаживает её между глаз. Глаза закрыты, Корина думает, что девочка таскаетдохлое животное по всему кварталу, но тут ящерица начинает извиваться.

Отпусти ты несчастную, говорит Корина. Это не домашнее животное. Детка, я поздно легла, я устала, а телефон все утро трезвонил.

Где вы были?

Это не твое дело, Д.Э. Пирс. Ты зачем мне названиваешь?

Это не я, ей-богу.

Не божись, говорит Корина и тут же жалеет о сказанном. Какое ей дело до чужого ребенка – лишь бы убралась с веранды и оставила её в покое.

Извините. Дебра Энн убирает руку назад и оттягивает шорты, затянувшиеся между ягодичками. Она смотрит на другую сторону улицы и хмурится. Это мексиканцы, что ли, въезжают?

Возможно, говорит Корина. Это тоже не твое дело.

Некоторым это совсем не понравится... мистеру Дэвису, миссис Ледбеттер, старому мистеру Джеффрису...

Корина поднимает ладонь. Перестань. У этих людей такое же право жить здесь, как у тебя и у меня.

Не такое, говорит девочка. Это наша улица.

Что подумал бы мистер Шепард, если бы тебя услышал? А?

Девочка смотрит на свои босые ноги и несколько раз поднимает оба больших пальца. Она обожала Поттера – единственный из взрослых, он никогда не поправлял её речь, не критиковал её планов, внимательно выслушивал небылицы о её выдуманных друзьях Питере и Лили, прилетавших из Лондона с историями про Лондонский мост и про королеву Англии. Ни разу Поттер не сказал ей, что хватит уже выдумывать себе друзей, как маленькой, никогда её не дразнил.

Корина похлопала себя по карманам жакета и нашла пачку с одной сигаретой. Удача. Она достаёт сигарету, закуривает и выдувает дым над головой девочки. Где сегодня твой папа?

Работает в Озоне – Дебра Энн вытягивает нижнюю губу и дует вверх с такой силой, что шевелится челка, – или в Биг-Лейке. Девочка переворачивает ящерицу и подносит к лицу. Заберу тебя домой, зловеще шепчет она и щиплет бровь. Выдергивает несколько волосинок и щелчком отправляет в живую изгородь перед верандой. Теперь Корина замечает у неё пролысинки в обеих бровях. Когда мать Дебры Энн уехала из города, Корина первое время носила Джиму еду, а Поттер с Д.Э. в это время на диване смотрели мультики. На похоронах Поттера девочка наклонилась над гробом и долго всматривалась в его лицо – так долго, что Корине хотелось шлепнуть её по затылку и сказать, какого черта ты там рассматриваешь, девочка?

Дебра Энн пробует пристроить ящерицу в кармашек шортов, но та цепляется за её руки. Я подумала, вам будет скучно одной, говорит Корине Дебра. Можем дособирать пазл мистера Шепарда.

Спасибо, мне одной не скучно.

Девочка смотрит на нее, и через несколько секунд Корина вздыхает. Эх, у меня сигареты кончились. Не хочешь сгонять на велосипеде в «7-Eleven»⁴, купить мне пачку? Д.Э. кивает, улыбается. Двух молочных зубов у неё нет – верхнего клыка и нижнего, лунки красные, воспаленные. Остальные зубы желтые и тусклые, у шеек застряли крошки еды, как будто хлеба. Её неровные черные волосы спутаны на концах, словно она начала их расчесывать и бросила; Корина готова поклясться, что заметила несколько гнид. Постой здесь, говорит Корина и уходит в дом за сумкой. Она вручает девочке бумажный доллар, и глаза у Д.Э. радостно расширяются.

Тут тебе пятьдесят центов на «Бенсон и Хеджес»⁵ и пятьдесят за труды. Не перепутай, возьми ультралегкие.

Д.Э. засовывает доллар в кармашек шортов и спрашивает, нет ли у Корины обувной коробки, чтобы оставить ящерицу на веранде. Корина говорит: нет, тут бродит бездомный кот и душит всех, до кого доберется. Девочка убегает с ящерицей в левой руке. Корина кричит ей вдогонку, чтобы не разговаривала с чужими, – Д.Э. поднимает ящерицу над головой и машет Корине. Даже издали видны Корине тоненькие ручейки крови, стекающие из глаз ящерицы, – последнее и отчаянное средство защиты.

* * *

Поттер написал письмо на желтом линованном листе блокнота из письменного стола Корины. Он не докучал Всевышнему мелкими просьбами, писал Поттер. Сколько помнит, он молился о помощи всего раз пять или шесть – когда его В-29 лишился одного мотора над Осакой, когда у Корины были сложности с морфием после рождения Алисы, когда все трое заболели воспалением легких зимой 1953 года. В 1968 году он молился, чтобы цены на нефть подросли до прежних, и раз или два – чтобы попался сом покрупнее, когда удили на озере

---

⁴ «7-Eleven» – крупная сеть магазинов.

⁵ «Бенсон и Хеджес» – марка сигарет.

Спенс, но это больше в шутку. И теперь, писал Поттер, он рассчитывает, что Всевышний не будет с ним мелочиться – потому что он не хочет ехать на этом поезде до конца.

Он написал, что будет скучать по их долгим поездкам, туристским вылазкам, по тому, как Кориная ночью в палатке водила ступнями по его икрам, потому что ей всегда было холодно, а он всегда был теплый. По птичкам, которых слушали, лежа в состегнутых вместе спальнях мешках.

Кое о чем он сожалел. О том, что не поступил в колледж, вернувшись с войны, хотя для этого пришлось бы принять помощь от правительства. Жалел, что не навестили дочь на Аляске, и он уже написал ей об этом письмо. Но больше всего жалел о том, что не так повел себя в Валентинов вечер. И всё это – от человека, писавшего разве что списки продуктов после того, как вернулся с войны домой.

Он оставил письмо на столе в кухне и рядом в конвертах десять тысяч долларов наличными. Он уже несколько недель беспокоился, что страховая компания может оставить Корину с носом, и она догадалась, что он где-то копил аварийный запас. Внизу письма красной ручкой было торопливо накорябано: *Позаботься, чтобы в свидетельстве о смерти доктор Бауман написал «несчастный случай на охоте».*

Через двадцать минут к двери подошел помощник шерифа и раньше, чем Кориная успела спросить, где нашли Поттера, сказал ей, что произошел несчастный случай, ужасное несчастье, такого никогда не ожидаешь, он сказал. Но случается чаще, чем думаем.

* * *

Через пятнадцать минут вернулась Дебра Энн, губы испачканы в шоколаде и без рогатой ящерицы. В грязной лапке сигареты Кориной, и говорит, что папа не вернется до восьми, дома, наверное, еще остался гуляш, но она не уверена. Может быть, Питер и Лили весь съели. Она наклоняется к Корине, вытягивает шею, пытаясь заглянуть в переднюю, её волосы и одежда пахнут плесенью. У Кориной подкатывает к горлу, и она протягивает руку за сигаретами. Постукивает пачкой по ладони и, слегка кивая, выслушивает трескотню Дебры Энн: как продавец в «7-Eleven» не пускал в магазин с ящерицей, и она велела ей не вылезать из корзинки на руле, но, конечно, когда вышла из магазина, ящерицы уже не было.

От этих животных бывают бородавки, сказала ей Кориная. Найди себе домашнее животное получше.

Я видела кошку мистера Шепарда в проулке за вашим домом.

Это не его кошка.

Но он кормил её.

Нет, не кормил.

Я точно знаю, мистер Шепард пускал её спать в гараже, когда было холодно.

Да ерунда, говорит Кориная. У нас даже мокрой метели не было за всю зиму.

Все равно было холодно, говорит Дебра Энн. С кошкой было бы веселее.

Кориная говорит девочке, что не желает никого кормить и поить, убирать чьи-то какашки, вытаскивать клещей из ушей, пылесосить блох на занавесках, еслипустишь в дом.

Вот что, Дебра Энн, если сумеешь поймать этого кота, можешь забрать к себе домой.

Я бы хотела, чтобы кошка жила у меня, отвечает Дебра Энн, но папа разрешает только таких животных, которые живут в ящике. А еще бы я хотела, чтобы мы ели не один гуляш. И хочу... но Кориная перебивает её и спрашивает, помнит ли она, что говорил её старый муж.

В одной руке хотелка, а в другой какашка, и какая перевесит? Хмуро отвечает Дебра Энн.

Да, милая, говорит Кориная, отступает в дом и мягко закрывает дверь перед носом у девочки.

Телефон звонит раз десять, а Кориная наливает себе чай со льдом и добавкой бурбона. Убедившись, что Дебра Энн не слоняется по двору, она выходит на веранду, посидеть и покурить. Садится пониже, на бетонную ступеньку позади кустов – здесь её не видно, а сама может наблюдать за улицей.

С тех пор как умер Поттер, к ней каждую неделю заходит Сюзанна Ледбеттер с запеканкой и приглашением на какой-нибудь дурацкий вышивальный кружок или, еще того тупее, – на обмен рецептами, где каждая пишет на листке из блокнота рецепт со своими комментариями, передает соседке, та пишет свой... и так далее. Таким образом женщины могут сделать хороший рецепт еще лучше, говорит Сюзанна Ледбеттер.

С годами Кориная научилась говорить нет, спасибо, в ответ на приглашения посидеть и обменяться рецептами. Тем не менее, когда она садится на веранде со стаканом в одной руке и незажженной сигаретой в другой, морозильник у неё забит запеканками. А голова – ерундой, думает она, опустив зад на бетонную ступеньку и поглядывая на улицу сквозь тощий боярышник. На той стороне двое молодых людей вносят консольный телевизор в кирпичный дом, близнец Коринино – девятьсот квадратных футов, три спальни, ванная и туалет рядом со столовой. Окно кухни выходит на задний двор, как у Кориной, и такая же, наверное, раздвижная стеклянная дверь на внутренний дворик, думает Кориная, хотя незнакома была с прошлыми жильцами – тремя молодыми людьми, державшими большую собаку, привязанную к засохшему пекану, и, слава богу, съехавшими вместе с псом среди ночи.

Подъезжает белый седан, девочка с матерью вытаскивают несколько коробок с заднего сиденья. Женщина на сносях, она раздулась, как труп оленя на раскаленном шоссе, а мистера между тем не видать. Разгрузив машину, женщина стоит посреди двора, а девочка скачет вокруг мертвого дерева. Копия матери – беловолосая, круглолицая – время от времени подходит к ней и цепляется за просторное платье, словно если отпустит, то её, или мать, или обеих сдует с земли и унесет в небо.

Женщина – выглядит слишком юной для матери такой большой девочки, – гладит дочь по спине, и обе наблюдают, как трое молодых людей таскают по дорожке, через гараж и в дом мебель и ящики. Теперь Кориная видит, что ребята совсем молодые, лет пятнадцати-шестнадцати, в кроссовках, коротко стриженные, в ковбойских шляпах разных оттенков коричневого. Двое мужчин в коричневых башмаках со стальным носком – такие же зашнуровывал Поттер перед отъездом на работу, – стоят у передней двери, меряют и перемеривают дверную коробку и массивную, красного дерева дверь, прислонившуюся к стене, как пьяная. Кориная помешивает мизинцем в стакане и смотрит на беременную, внутренне усмехаясь. Старая дверь ей не хороша? Ну! Она облизывает палец.

Один из мужчин показывает руками ширину двери, высоту, а женщина мотает головой. Одной рукой она берется за лоб, другой за живот, а потом, когда мужчина опять показывает на дверной проем, её тело устремляется к двери, клонится вперед и вдруг, сложившись пополам, оседает. Мужчины вскрикивают. Кориная ставит стакан и чмокает губами. Пока она поднимается и вставляет ноги в комнатные туфли, женщина уже встала на четвереньки, пузо её висит до земли. Дочка вьется встревоженно вокруг её головы. По двору, как воробьи, летают туда и сюда испанские и английские слова. Мужчина убегает в кухню и возвращается с пластиковым стаканом воды.

Кориная называет себя и показывает на свой дом напротив; Эйми теребит мать за блузку. Она мордатенькая, бровей и ресниц почти не видно – такие белые. Мать, Мэри Роз, тяжело дышит, блузка её поднимается и опадает от схваток, а Кориная силится припомнить, видела её или нет в старших классах – вечно они исчезали, выходили замуж. Разве всех их запомнишь.

Кориная старается и не может припомнить ничего полезного из туманного сумеречного предродового полусна тридцатилетней давности, когда рожала Алису. Отвезти вас в больницу?

Нет, спасибо, я сама доеду. Мэри Роз прижимает к животу обе ладони и смотрит на Корину. Я видела венки у вас на двери. Сочувствую вашему горю.

Муж умер в феврале. Никак не соберусь убрать венки. Корина прищурясь смотрит на мужчин и ребят: они тихо выстроились в ряд, переминаются с ноги на ногу и смотрят на жену хозяина ранчо, затеявшую рожать посреди их субботней работы – мужа её они хорошо знают.

Несчастный случай на охоте, говорит Корина. Словно проглотила полную лопату скорпионов – так дерут ей горло эти слова, отравные, когтистые.

Несчастный случай на охоте. Мэри Роз перекачивается на спину и садится, и Корина с удивлением видит слезы у нее на глазах. Какое несчастье. Слушайте, мы все еще ждем, когда нам подключат электричество, не хочу, чтобы дочь сидела одна в приемной. Не могли бы вы пустить её на несколько часов к себе, пока муж не вернется с аукциона скота в Биг-Спрингс?

Извините, не колеблясь отвечает Корина. Сейчас никого не могу пустить в дом. Сожалею. Может быть, позвонить вашей матери или сестре?

Нет, спасибо, отвечает Мэри Роз. У них и так хлопот полон рот.

Я хочу с тобой, хнычет девочка. Я её даже не знаю.

Я с удовольствием отвезу вас в больницу и посижу с... Корина умолкает, девочка сердито смотрит на нее, держась за мамино платье... с Эйми.

Не хочу, чтобы сидела в приемной с чужими мужчинами, говорит Мэри Роз.

Несколько секунд женщины смотрят друг на дружку, младшая – сжав губы в ниточку. Она тяжело встает и велит дочери сбегать за ключами от машины и сумочкой из шкафа в передней. Эйми убегает в дом через открытый гараж, а Мэри Роз просит бригадира, чтобы заперли за собой, когда разгрузят фургон. Корина отправляется к своей веранде, уже мечтая о холодном чае с остатками виски, надеясь, что кот не сунул нос в её стакан, не облизывал лед, а Мэри Роз кричит ей вдогонку. Благодарю за щедрую помощь, кричит она, но Корина делает вид, что не слышит. Она продолжает идти и, перейдя улицу, выплескивает питье в кусты, заходит в дом и наливает себе свежую порцию.

* * *

На дворе еще не совсем стемнело, снова звонит телефон. Корина, уже порядком приловившись к бутылке бурбона, устремляется в кухню и обеими руками хватается за телефон. Каждая дрянь в этом доме жужжит, трещит, звонит. Она обматывает телефон шнуром и открывает ногой дверь в гараж. Дряблая кожа у нее на руках дрожит, когда она поднимает телефон над головой. Он влетает в гараж и звякает два раза, упав на бетон рядом с «Линкольном Континентал», беспризорным уже сорок дней – с тех пор, как Поттер решил покончить с тем, что называл своей ситуацией. Это была *наша* ситуация, черт бы тебя взял.

В кухне теперь тихо, только тикают настенные часы над столом. Корина прищурилась на них, думает. На полном мусорном ведре лежат бутылки из-под спиртного и нераспечатанные счета от врачей. Она берет пепельницу, полную окурков, и высыпает на конверты посреди стола. Окурки скатываются на пазл. Она высыпает из ванночки кубики льда. За стеклянной дверью небо на западе – цветов старого синяка. На заднюю изгородь слетает пересмешник, голос его настойчив и печален.

Корина несет мусорное ведро к контейнеру и задвигает дверь с такой силой, что трость Поттера падает и катится по линолеуму. Тонкая подошва туфли наступает на что-то мягкое, Корина, вскрикнув, отскакивает назад и видит маленькую коричневую мышь. Она закрывает глаза и видит Поттера у задней изгороди, видит, как он с трудом выкапывает ямку и бережно опускает в неё животное.

Она хотела бы так же – похоронить маленькую тварь, как будто это важно. Но земля затвердела, руки у неё слабые, и, когда переносит продукты из пикапа в дом, вынуждена оста-

навливаться, чтобы отдышаться. Далеко ей до Поттера, всегда было далеко. Все же она берет в гараже лопату и поддевает мягкое тельце мыши. Чуть не задохаясь от злости, несет мышь в проулок и бросает в открытый контейнер. Они могли бы поговорить об этом – о том, как и когда он умрет. Поттер сказал, что не допустит, чтобы она за ним ухаживала, а она обещала, что не будет просить его задержаться до тех пор, когда он перестанет узнавать себя и её. Но в итоге он сам выбрал время.

Гудит заводской гудок, дольше и жалобнее обычного, извещая о несчастном случае, и она застывает на несколько секунд, держась рукой за стальной контейнер. Всю жизнь она прислушивалась к этому гудку, думая о том, что могло случиться. Но эти страхи: что муж её может лежать сейчас ничком в луже бензола или работал там, где произошел взрыв, и не успел вовремя убраться, теперь эти страхи – удел Сюзанны Ледбеттер и тысячи других женщин в городе. Не её. На поле за ее домом кот припал к земле, зеленые пустые глаза провожают желтую медянку, ползущую по сухому ливневому каналу, где Д.Э. Пирс и другие девочки с улицы любили проехаться на велосипедах и, бросив их, загорать на крутых бетонных склонах, пока городские власти не сообразили огородить канал рабицей.

За каналом «7-Eleven» и «A&W Рут-бир» делят парковку с передвижной библиотекой, тридцатифутовым трейлером с угрожающе шаткими металлическими стеллажами и косматым ковровым настилом, пахнущим плесенью. Полгода назад тут же построили стальной полукруглый ангар без окон, «Клуб заек» – стрип-клуб, и, черт их знает, думает Корина, как вообще девушке в Одессе удастся остаться в живых. Двадцать лет она наблюдала старшекласниц, и у большинства из них мечты не шли дальше того, чтобы закончить школу раньше, чем их обрюхатит какой-нибудь парень. В любой понедельник она могла войти в класс и выслушать печальные или злые слухи о больнице, или тюрьме, или доме для незамужних беременных в Лаббоке. Не вспомнить уже, на скольких спешных свадьбах она присутствовала, – и до сих пор сталкивается в магазине с этими же молодыми женщинами – постарели, но все еще прижимают бледных пухлых младенцев к груди, перекладывают из одной худой веснушчатой руки в другую и кричат на старших детей, которые носятся между полками, как взбесившиеся белки.

Корина стоит в переулке, и в это время с дороги на стоянку сворачивает пикап. С визгом шин он выписывает кренделя на площадке. В кузове, кто за что цепляясь, стоят, кричат и ржут несколько мужчин. Один бросает бутылку в канал, она разбивается о бетон. Другой вдруг падает с кузова и кричит, ударившись о землю, остальные орут и хохочут. Он, спотыкаясь, бежит за машиной, протянув к ней руки, – почти нагнал уже, и тут грузовик тормозит. Он хватается за задний борт, но тут кто-то сбрасывает на землю два мешка, и шофер дает газ.

Машина делает третий круг, мужчина в кузове перегнулся через борт, в руке у него кусок стальной трубы. Машина прибавляет скорость, мужчина перегибается сильнее, одной рукой держась за защитную балку на крыше кабины, и размахивает трубой. Корина хочет закричать: «Стойте», а в это время человек, стоящий на площадке, поднимает руки над головой, как будто сдается. Труба бьет его по спине, и он падает на бетон, как яйцо, выброшенное из гнезда.

Господи, спаси, кричит Корина и бежит к дому. Бежит и думает, только бы гудок был, когда подсоединит телефон. Но тут спотыкается о трость Поттера и падает лицом на кухонный стол. Кусочки пазла разлетаются, как летучие мыши от старого резервуара, и Корина оседает на пол под тиканье настенных часов. Её лицо и руки, колени, плечи обдает боль, такая внезапная и сильная, что, кажется, нет ничего, кроме неё в мире.

Когда они были моложе, Поттер шутил, что она отправится на тот свет с треском. Или будет налет на банк, когда она будет стоять там в очереди и не захочет отдать сумку. Или покажет средний палец молодцу, у которого денек выдался еще похуже, чем у неё, или колесо у нее спустит на полном ходу. Или старшекласники забьют до смерти экземплярами «Беовульфа». Или прокрадутся и перекусят тормозные шланги в её машине после зверской внеплановой

контрольной. Но нет. Она – вот она, разлеглась на полу, как старая нетель, сиськи и брюхо в кухне, ноги и зад еще на дворе.

Если бы всё было устроено как должно, Поттер хоронил бы её. Горевал бы, конечно, но продолжал бы жить – играл бы в карты у ветеранов зарубежных войн, заезжал бы на завод поздороваться с ребятами, возился бы в гараже и на заднем дворе. Собрал бы чертов пазл и слушал бы рассказы Дебры Энн о её детских делах – о выдуманных друзьях, про которых пора бы уже забыть в её возрасте, о том, сколько крышечек от бутылок она собрала в переулке, о том, как скучает по маме и не знает, когда она вернется. Он не уставал бы слушать её, а если бы и устал, ей не сказал бы. Если бы Поттер был здесь, Д.Э. Пирс и Эйми, девочка из дома напротив, сидели бы за столом на кухне и ели мороженое, а чертов кот вечерами ужинал бы в гараже, например, тунцом из банки. Но здесь Корина, и чем ей заняться сейчас, один черт знает.

Завтра утром она осмотрит повреждения – маленький порез над левой бровью, шишку на правом виске, кровоподтек размером с грейпфрут на предплечье. Бедро забарахлило на месяц, и придется ходить с палкой Поттера – но только дома и на заднем дворе, где никто её не увидит. А перед домом, где она поливает дерево, и в продовольственном магазине, где покупает кое-что для Мэри Роз и привозит ей, и захватит заодно какую-нибудь из запеканок Сюзанны Ледбеттер, хранящихся в морозильнике в гараже, – здесь Корина будет стоять выпрямившись, скрипя зубами, и вести себя так, будто ничего не болит. Когда позвонит телефон, она подойдет и, услышав голос Карлы, спросит, чем ей помочь.

А как быть с рассыпавшимися кусочками его пазла – несколько залетело под холодильник и под плиту, и их оттуда не достать. Через несколько недель Корина начнет собирать его вещи для Армии спасения и оставит записку для тех, кому достанется пазл, – предупредит, что нескольких кусочков не хватает. Поттер сто раз говорил ей: нет ничего хуже на свете, чем трудиться так долго и так усердно и в итоге понять, что некоторых кусков не было с самого начала.

Сегодня она встает с пола в кухне и включает телефон. Звонит в полицейский участок и говорит, что не видела номера на грузовике, и не запомнила цвет, и мужчин описать не может – только что были пьяные, белые и, судя по голосам, молодежь.

Когда возвращается в переулок, выпавшего и след простыл. Ночь красивая, звездная, на юге висит красный Марс. Дует ветерок с севера. Если вынести приемник на переднюю веранду и поставить на подоконник, можно поймать станцию в Лаббоке. Там все время играют Боба Уиллса, с тех пор, как он умер, – это скрасит ей вечер.

Она все еще сидит там, когда к дому напротив подъезжает грузовик и из него выходит мужчина, должно быть, муж Мэри Роз. Он быстро идет к пассажирской двери и берет на руки спящего ребенка. Со всей быстротой, какую позволяет побитое старое тело, Корина поднимается на ноги. На лбу у неё шишка размером с доллар, и никакие Шанель № 5 на свете не отобьют запах табака и виски, но она торопится к мужчине, который перекладывает дочь из одной руки в другую, берет со щитка фонарь и направляется к дому, чьи пустые черные окна смотрят на двор и на улицу, все дожидаясь, когда кто-нибудь включит свет.

Подождите, кричит она. Подождите! Волосы девочки белеют в свете уличного фонаря, и Корина зацепляет пальцем её голую ступню, висящую у отцовского колена. Мужчина хочет обойти её, но она мягко трогает его за руку. Как там ребенок? Как Мэри Роз? Она тяжело дышит, в боку колотье, она держится за живот. Послушайте, говорит она с одышкой, скажите жене, если ей что-нибудь нужно, все равно что, она может на меня рассчитывать. Пусть только скажет, я сразу приду.

Дебра Энн

В другую субботу, в другом году она могла бы и не увидеть его. Могла бы с кем-нибудь играть баскетбольным мячом в парке луговых собачек, или болтаться по спортивному полю начальной школы имени Сэма Хьюстона, или ехать на велосипеде к бизоньей луже, искать трилобитов и наконечники стрел в сухом водоеме. Когда в нем была вода, Дебра Энн с мамой ездили туда смотреть, как спасаются люди. Хоть какое-то развлечение, всегда говорила Джинни, расстилая махровое полотенце на капоте машины, и Дебра Энн взбиралась на него, стараясь не коснуться раскаленного металла голыми ногами. Они прислонялись спиной к ветровому стеклу и передавали друг другу пакет с чипсами; святые стояли на берегу, пели: «омылся ли кровью агнца», а грешники брели босиком по илистому дну, и только вера берегла их от водяных щитомордников и осколков стекла. Если проповедник призывно махал им рукой, Джинни мотала головой и махала в ответ. Сейчас у тебя всё хорошо, говорила она Дебре Энн, но если однажды покажется, что тебе непременно надо спастись, – спасайся в церкви. По крайней мере, обойдешься без столбняка. Соскучившись, Джинни собирала вещи, и они ехали в город есть гамбургер. Куда теперь? спрашивала она дочку. Хочешь, поедem посмотреть могилы в Пенуэлле? Хочешь в Монаханс, гулять по песчаным холмам? Или поедem на аукцион скота в Эндрюсе и сделаем вид, что торгуем бычка?

Но этой весной Джинни нет, и все толкуют о девушке, которую увезли и обидели. Её изнасиловали – взрослые думают, что Д.Э. не понимает, но она не маленькая – и теперь родители на Ларкспер-Лейн, в том числе её папа, постановили, что детям нельзя выходить из квартала без надзора взрослых или, по крайней мере, не предупредив, куда идут. Это оскорбительно. За ней с восьми лет не надзирали, и почти всю весну она нарушала правила – даже после того, как папа сел за стол на кухне и нарисовал ей карту.

Северная граница разрешенного гуляния – Кастер-авеню, южная отмечена пустым домом на повороте. Западная граница – переулок за домами Шепарда и Дебры Энн, там стоит миссис Шепард и хмуро глядит на грузовики, подъезжающие к «Клубу заек» и отъезжающие от него. Это сисечный бар, Д.Э. знает. В другом конце квартала, где живут Кейси Наналли и Лорали Ледбеттер, миссис Ледбеттер пристально следит за всем и за каждым. Ей ничего не стоит ухватить ребенка на велосипеде за руль и устроить допрос. Ты куда едешь? Ты что делаешь? Когда ты последний раз мылась? Остальные девочки на два года младше Дебры Энн, еще не смеют правила нарушать – так она думает – или просто матерей боятся.

Человека этого она находит так же, как находит свои сокровища. Она *смотрит*. Она ездит взад-вперед по переулку за домом миссис Шепард, виляя между пивных банок, гвоздей и зубастых битых бутылок. Отворачивает от камней, таких больших, что перелетишь через руль головой в стальной контейнер для мусора или в шлакоблочный забор. Острым глазом выискивает на дороге монету, неразорвавшуюся петарду, панцирь саранчи, резко сворачивает при виде змейки – вдруг это молоденький гремучник. Десятками ловит рогатых ящериц, держит на ладони и гладит пальцем твердый гребешок между глаз. Когда они засыпают, опускает их в стеклянную банку, которую возит в корзинке на руле.

В переулке за домом миссис Шепард она почти останавливает велосипед и, балансируя, смотрит на поле. Всё, что там – запретная зона: сухой паводковый канал, забор из колючей проволоки, грунтовая площадка, дом на повороте, пустующий с тех пор, как мальчика Уоллесов убило током от приемника, упавшего к нему в ванну, и, наконец, то место, где канал сужается и уходит в две стальные трубы, такие широкие, что Дебра Энн может встать там во весь рост. За этой запретной территорией – стрип-бар, открывающийся ежедневно в половине пятого. За всю жизнь её отшлепали всего несколько раз и не очень сильно, но в марте, когда миссис Ледбеттер позвонила папе и донесла, что его дочь катается на велосипеде перед этим

зданием и заглядывает в дверь, когда там входит или выходит мужчина, он побелел и шлепнул её так, что зад жгло до самого вечера.

Д.Э. едет вдоль паводкового канала, в нескольких шагах от поворота перед пустым домом соскакивает с велосипеда, влезает на металлический ящик из-под молочных бутылок, заглядывает через шлакоблочный забор, а потом садится на него. Через несколько секунд спрыгивает на задний двор и, ушибшись коленом о твердую землю, охает, а потом вскрикивает. В последнее мгновение она успевает откатиться от кучки щебня – иначе пришлось бы с плачем бежать на веранду к миссис Шепард, и старуха пришла бы на выручку с пинцетом и спиртом.

Посреди двора три молодых вяза, к задней стене дома прислонены выгоревшие почти добела доски. Перед раздвижной стеклянной дверью лежат три перекасти-поля, словно долго стучались в неё и в конце концов сдались. В верхнем углу двери наклейка: «Собаки не бойтесь. Дом охраняют Смит и Вессон». В прошлом июле, когда девочки бродили свободно, она, Кейси и Лорали пробрались на этот двор и запустили целую коробку петард М-80, которую нашли под трибунами в школе.

Все дома на Лакспер-Лейн более или менее одинаковы, и в этом, как у Дебры Энн, два окошка спальни выходят на задний двор. На них ни занавесок, ни жалюзи; пустые, смотрят на траву, бесстыдно и печально, как темные глазки мистера Бонэма, который живет в соседнем квартале, весь день сидит на веранде и грозит всякому, кто хотя бы одним колесом заедет на паршивую лужайку. Из-за солнца заглянуть в черное нутро дома невозможно, но легко вообразить, что убитый током мальчик смотрит с той стороны стекла и волосы у него до сих пор стоят дыбом. Прямо дрожь берет, сказала Лорали, когда они были здесь прошлый раз.

Дебре Энн хочется есть и пописать, но ей надо получше рассмотреть пустое поле между переулком и каналом. Да и картонная гадалка, которую она возит в корзинке, согласна. *Не сомневайся!* Когда Д.Э. спрашивает еще раз для надежности, вставив указательные и большие пальцы в четыре прорези, и считает до трех, гадалка подтверждает: *Да!* Иногда она задает ей вопросы, зная ответ – убедиться, что всё без балды.

Я выше буровой вышки? *Нет.*

Победит Форд на выборах? *Вряд ли.*

Папа когда-нибудь закажет в «Баскин-Роббинсе» не клубничное мороженое, а какое-нибудь другое? *Нет.*

С этого конца переулка ей виден угол клуба джентльменов за каналом. Сейчас стриптиз почти пустует – на стоянке всего несколько пикапов и автолебедек. У безбортового грузовика двое мужчин, один высокий, другой очень маленький. Высокий поставил ногу на бампер, они разговаривают, передавая друг другу бутылку. Бутылка опорожнена, высокий уходит в клуб, а маленький бросает бутылку в стальной контейнер. Оглянувшись кругом, он перемахивает через изгородь, рысью бежит вдоль бетонного борта канала и скрывается в широкой водоотводной трубе.

Д.Э. перетаскивает большой картонный ящик из-под холодильника на середину поля и канцелярским ножом, который нашла в гараже миссис Шепард, продельывает в ящике окошко по размеру глаз. Влезает в ящик и ждет. Через несколько минут человек высовывается из трубы. Смотрит налево, направо, снова налево – как суслик, высунулся из норы, глядит, нет ли поблизости змеи, – и вылезает из трубы головой вперед, словно на свет родился. Когда он встает и потягивается, Д.Э. зажимает рот ладонью, чтобы не рассмеяться. Никогда не видела она такого маленького мужчины. Он низенький и тощий, печальный, как пугало, запястья – как куриные косточки, и весит, наверное, не больше ста фунтов вместе с ботинками. Если бы не щетина на подбородке – совсем мальчик.

В конце канала он пригибается, смотрит вдоль русла в одну сторону и в другую и взбегает по крутому склону. Поднявшись, он быстро идет вдоль изгороди к тому месту, где колючая

провода легла на землю. Дебра Энн знает это место. Она перепрыгивает там проволоку, чтобы срезать путь к передвижной библиотеке или к «7-Eleven».

У контейнера за клубом он останавливается, чтобы пописать. Потом, застегнув штаны, стучится в заднюю дверь клуба, и ему открывают. Дебра Энн вылезает из ящика, стряхивает пыль с футболки, потом, размахнувшись, бросает камень. Он долетает до середины поля и падает с мягким стуком, подняв пыль. Она не может понять, почему человек живет тут – или с ним что-то не так. Её папа говорит, надо быть наполовину глупым, наполовину сумасшедшим или наполовину мертвым, чтобы не найти сейчас работу в Одессе. Нанимают всех подряд. Может, он – и то, и другое, и третье, глупый, сумасшедший, больной – но, все равно какой, для неё он не опасен. Ей это душа говорит, она *утверждена* в этом, так же, как знает, что ничего плохого не может с ней случиться, если не наступать на трещины в тротуаре, и есть только растения, и не разговаривать с незнакомыми мужчинами. Уверенность её поколебалась весной с отъездом Джинни, и для неё утешение – наблюдать за этим человеком и знать, что он её не обидит.

Она плюет на землю и подбирает другой камень. Этот долетает до мескитовых деревьев, где земля спускается к каналу. До конца лета перекину канал, говорит она вслух.

* * *

Всю неделю она бежит после школы наблюдать за ним. Первые три дня собирает информацию: когда он выходит? Всегда в одно время? Всегда идет в сисечный бар? Потом ждет случая разглядеть всё поближе.

Почти пять часов, и солнце бьет по макушке как кулак. Во рту и в горле пересохло до боли. Жар давит на грудь, стесняет дыхание, пропотевшая футболка высохла час назад, пот больше не охлаждает её – его не осталось. Она вытаскивает гадатель из кармана шорт, он сухой и ломкий в пальцах. Посмотреть его стоянку? *Да*. Посмотреть его стоянку? *Не сомневайся!*

Дренажная труба широкая – можно войти, чуть-чуть наклоняясь. Она видит мусорный мешок с грязным бельем и свесившимися носками. Рядом с мешком аккуратная стопка штанов и рубашек. Рядом с проволочным молочным ящиком пара ботинок; ящик перевернут, служит столиком; на нем керамическая чашка, бритва и два желтых конверта. На одном черным маркером надпись: «Рядовой первого класса Белден. Уволен». На другом: «Медицина».

Шагах в пяти он построил стенку, чтобы отгородиться от остальной трубы, которая выносит воду из города в поле во время ливней. Последнее время это означает – никогда. Последний раз, когда канал заливало, у Д.Э. на велосипеде были еще боковые колесики сзади. Приглядевшись, она узнает старый картонный ящик с прошлого лета – девочки бросили его, когда его помяла пыльная буря. На одном боку еще видна прыгающими буквами надпись Лорали «Укрытие» с большим улыбающимся лицом и двумя сердцами, пронзенными стрелами.

У картонной стенки – рюкзак и свернутый спальный мешок. Дебра Энн подходит к столу и осторожно проводит пальцем по трещине в чашке для бриты. Берет бритву и маленькую черную расческу, вертит в руках, глядя на конверт с увольнительными документами. Может быть, он герой, решает она. Может быть, ранен на войне. С тех пор, как мама уехала, Д.Э. ищет, чем заняться в выходные дни. Нужно какое-то постоянное дело – может, он как раз и будет таким. Может, он для того и появился, чтобы помочь ей стать лучше, не бесить маму до такой степени, что она уезжает из города, никому не сказав, куда едет и когда вернется. Джинни вернется домой до фейерверка Четвертого июля? *Да*.

* * *

Первый подарок ему она оставляет в бумажном пакете перед входом в трубу и убегает к своей коробке – наблюдать, что будет дальше. Он открывает пакет осторожно, словно ожидает увидеть там тарантулов или, в лучшем случае, коровью лепешку. Но достает вместо этого банку кукурузы, жвачку, коричневый карандаш с тупым грифелем и с улыбкой озирается. Там и записка, сложенная пополам, с липкими от конфет краями, и Дебра Энн видит, как он читает её, шевеля губами. *Не беспокойтесь, мы о вас позаботимся. Напишите, что вам нужно, и положите под большой камень у забора. Никому не говорите. Д.Э. Пирс.*

Д.Э. смотрит, как он затачивает карандаш перочинным ножом, а позже, когда он стучится в заднюю дверь бара и входит туда, она бежит вдоль бетонного берега за запиской. Там: *Одеяло кострюля кансервный нож спички, спасибо, храни тебя Бог. Джесси Белден, РПК, армия США.*

В понедельник после Пасхи она приносит всё нужное в бумажном мешке из «Пиггли-Уиггли». Туда же она положила два крутых яйца, кусок кукурузного хлеба в фольге, ломтик ветчины и наполовину оттаявшую запеканку с частично оторванным ярлычком миссис Шепард. Остались только буквы КОР, по ним он не сможет понять, кто это. Там же два спелых помидора и шоколадные зайцы из пасхальной корзинки, которую оставил на кухонном столе папа.

Он читает записку, а она радостно следит за этим из своего наблюдательного пункта в поле, шевеля губами вместе с ним. *Светлой Пасхи. Джесси Белден, РПК, армия США, вы замечательный американец. Вы любите окру и коричневые бобы? Искренне ваша Д.Э. Пирс.*

В начале мая, через три недели после того, как она увидела его впервые, Д.Э., дождавшись, когда он войдет в трубу, спускается в бетонный канал с пакетом еды и двумя банками «Доктора Пеппера». Светит фонариком в трубу. Вы здесь? Голос её уходит в темноту. Я никому не скажу, что вы здесь. Вам нужна помощь?

Позже, когда они немного познакомятся, Джесси объяснит ей, что лежал на голом бетоне – так прохладнее, пересчитывал свои деньги и думал, как выручить свой грузовичок у Бумера, своего родственника, который говорит, что Джесси задолжал ему за два месяца постоя и еды. Джесси скажет ей, что лежал хорошим ухом на полу – мир тогда гораздо тише, – вот почему они друг друга не увидели, пока Д.Э. чуть не наступила на него.

Напугали друг друга до смерти, а? – говорит Джесси.

Я чуть не обоссалась. Она внимательно смотрит на него – не выругает ли за сквернословие, но он не ругает. Джесси, может, и взрослый, но ведет себя не так. Может, он глуповатый, думает она, и уж точно не знает, как разговаривать с детьми. Он говорит ей, что глаза у него были сухие, как пыль, на которой он спит, как полудохлая змея, которую кот притащил однажды утром и оставил у входа в трубу, и все же намокли, когда Дебра Энн посветила ему в лицо фонариком и спросила. Что для вас сделать? И Джесси, неделями не говоривший ничего, кроме да, сэр, нет, сэр, до сих пор страдавший от боли в ребрах после того, как его огрели трубой на парковке, и умолявший родственника остановить грузовик, – Джесси сказал. Я хочу домой.

Она не говорит, что наблюдала за ним неделями. Она говорит, да, сэр, и обещает, что всегда будет сидеть справа от него, чтобы её слова слышались так же чисто, как холодные ручьи, про которые он рассказывает ей – у него на родине в восточном Теннесси, где он жил с мамой и сестрой Надиной.

* * *

Ему двадцать два года, ей десять, и оба тощие, как спички. У обоих шрамик на правой щиколотке – у него после нехорошего воспаления в Юго-Восточной Азии, у неё от шутихи, когда она не успела отскочить. Они едят сэндвичи с колбасой и наблюдают за тем, как кот гоняется за лузгой, которую они выплевывают на бетон. Говорят, что надо бы добыть для кота ошейник – если потеряется, кто-нибудь позвонит Дебре Энн, и она придет за ним.

Она приносит шоколадные батончики, размякшие у неё в кармане, и они слизывают шоколад прямо с фольги. Когда она спрашивает, зачем он работает в стрип-баре, у него краснеет шея, и он смотрит в пол. Без грузовика он не может получить работу на нефтянке. Я там только полы подтираю и мусор выношу, а раньше с родственником баки промывал с соленой водой.

Он не говорит ей, что в Техас приехал потому, что в Теннесси нет работы, а Бумер божился, что деньги гребет почем зря. Не рассказывает и о двухнедельном пребывании в госпитале для ветеранов в Биг-Спрингсе, где спал на хорошей кровати, и давали хорошую еду, и разговаривал с доктором, который в конце проводил Джесси до грузовика, дал ему конверт и сказал: Тебе двадцать два года, сынок, и ничего с тобой нет такого, от чего не вылечит труд. Он не рассказывает Д.Э., что почувствовал на плече твердость и вес докторского университетского кольца. Сколько ехать до Одессы, спросил его Джесси, и доктор показал на запад. Шестьдесят миль, и не забудь запирать грузовик на ночь, сказал доктор, и Джесси пожалел, что не он его отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.